

История Парка

Александр
Дуранин

Александр Лучанинов

История Палача

«Издательские решения»

Лучанинов А.

История Палача / А. Лучанинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934705-3

Судьба юного паренька, живущего в изолированной тихой деревне, готовит ему множество тяжелых испытаний. Болезнь, увечья, погони и магия, осады замков, подземные комнаты, наполненные тайнами прошлого. А причиной всему этому безумию послужила странная девица, которую он выловил из местной реки.

ISBN 978-5-44-934705-3

© Лучанинов А.
© Издательские решения

Содержание

Убийца в реке Рубица	6
Нелегкая работа	24
Привет, старик	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

История Палача

Александр Лучанинов

© Александр Лучанинов, 2018

ISBN 978-5-4493-4705-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Убийца в реке Рубица

Бака разбудил мамин кашель. Такое случалось почти каждое утро. Гулкие «КХМ-КХМ» продолжали преследовать его изо дня в день, эхом совести раздаваясь в голове. Нельзя сказать, что он не пытался, нет, он сделал все что было в его силах, даже больше, но совесть невозможно уговорить или задобрить. Если она продолжает колотить тебя, значит ты того точно заслуживаешь.

Бак потер потными ладонями глаза и сел на кровати. Солнце еще не взошло, но на улице уже было достаточно светло, чтобы не зажигать свечу. Через окно было видно, как петух нехотя взбирается на забор и нахохливается. Бак зажмурился, пережидая пока, рвущий утреннюю тишину, петушиный вопль не стихнет, затем опустил босые ноги на холодный пол и поджал пальцы.

Первый приступ мокрого, липкого словно мед кашля приключился с Алой прошлой осенью, в сарае. Она собиралась покормить птицу и согнулась, чтобы дотянуться до мешка с зерном, лежавшего в дальнем углу, возле дров, как вдруг с ее горлом что-то случилось. В один миг его стенки будто склеились вместе и воздух перестал свободно проходить. Грудь тут-же сдавило кольцом боли, в глазах потемнело, а голову окатило волной паники. Схватившись руками за горло, она беспомощно сползла вдоль стены на дрова и закашлялась так громко, что Баку и его отцу, работавшим в поле, показалось, будто она была прямо у них за спинами.

Первый приступ – самый пугающий. Ты не знаешь, как быть, что делать. Просто мечешься из стороны в сторону, паникуя и постоянно повторяя: «Что с тобой? Что с тобой?», а человек, тем временем, постепенно синеет. Но чем дольше длится болезнь, тем привычнее становятся ее симптомы. Они вклиниваются в обычный распорядок дня, немного смещая уже устоявшиеся нормы и вот, ты сам того не замечая, перестаешь обращать на них внимание, а иногда даже раздражаешься, в очередной раз отвлекаясь от своих дел на опостылевшее «КХМ-КХМ». Жестоко ли это по отношению к больному? Ну уж явно не к лучшему.

Бак прошлепал вдоль стены к старинному резному шкафу, который когда-то очень давно смастерил его прадед, и, отворив дверцу, достал с нижней полки непонятный предмет. Его поверхность была черной и отполированной так идеально, что на первый взгляд казалось, будто это какое-то удивительное стекло, но это было вовсе не оно. Бак знал, что ни один, даже самый искусный стеклодув на западном берегу не смог бы сотворить подобное чудо.

Жители долины Двух Хребтов всегда славились своим исключительным здоровьем. Даже в самые холодные зимы сложно было найти хотя бы одного больного, не говоря уже об эпидемиях, которые частенько бушевали в больших городах. А потому, известия о кашляющей жене фермера Рака быстро разнеслись по долине. Все, кому была не безразлична жизнь общины, или же кому нечем было заняться, по старому обычаю поддержали больную, отправившись в горы, на поиски лечебных трав и кореньев. Бак, естественно, отправился с ними.

Сказать, что тот год был неурожайным – не сказать ничего. Горы в очередной раз показали свою жадность, приютив на голых уступах лишь мох и лишайники, совершенно бесполезные для врачевания.

Шли дни, Ала продолжала кашлять, ее приступы с каждым разом становились все дольше и интенсивнее. Осень закончилась, на ее смену пришла зима, принеся с собой сильные ветра и непогоду. Один за другим, жители долины отказывались от походов в горы, оставались дома, не желая рисковать жизнью ради призрачной надежды на исцеление, но только не Бак. Не важно, бушует ли за окном штормовой ветер, метет ли метель, упертый сын Рака каждое утро просыпался под уже раздражавшее его «КХМ-КХМ», завтракал, одевался потеплее и уходил из дома на поиски спасительных трав.

Бак посмотрел на свое искаженное отражение, дрожавшее на поверхности черного, гладкого, словно тихое ночное озеро, металла и нахмурился. Его лицо износилось за зиму. Щеки и глаза впали, кожа на скулах и носу от ветров и морозов потемнела, а на губе после неудачного падения остался короткий шрам, словно от драки в пивной. В их деревне с зеркалами туго, далеко не каждый фермер может себе позволить подобную роскошь, уж точно не они с отцом, а потому, такие разительные перемены задели в душе Бака тонкую струну ностальгии.

Как только сошел снег, Ала умерла. В обед она встала с кровати, что для нее было настоящим подвигом, ведь последний месяц она только и делала, что лежала, нехотя ела и кашляла. Увидев бредущую по коридору маму, Бак слегка вздрогнул, то ли от неожиданности, то ли от яркой вспышки, которой загорелась в его сердце надежда. Он тут же попытался обнять ее, решив, что маме, наконец, стало лучше, но она оттолкнула его. Толчок был резким, грубым, как толкают незнакомца в давке на рыночной площади.

Ала отвергла сына и побрела на улицу. Хоть глаза ее и были широко открыты, казалось будто она все еще спит, будто видит яркий сон про дальние страны и в этом сне путешествует по ним. Выйдя на крыльцо, она ступила босыми ногами прямо в весеннюю грязь, запрокинула голову к небу и с ужасным хрипом втянула воздух, но ее последний вдох быстро сошел на нет. Она упала на землю и больше никогда не поднималась.

Баку временами снились ее зеленые глаза, бездумно смотрящие в никуда, пока ночная рубашка постепенно погружается в грязь. Это были одни из тех кошмаров, в которых ему ничего не угрожало, но он все равно боялся, боялся, что эти глаза, вдруг, взглянут на него и заберут с собой, в мир мертвых, в бесконечную тьму и холод, ведь он не смог найти лекарство, подвел семью и теперь обречен нести на себе эту ношу до самой смерти.

В то утро, когда Ала умерла, семья фермера Рака неофициально распалась. Отец с сыном продолжали жить в одном доме, есть за одним столом и работать в одном поле, но были друг другу словно чужие. Каждый из них винил себя в произошедшем. Им обоим думалось одно и то же, им казалось, что они сделали недостаточно, но справлялись они с этой мыслью по-разному.

Днями Рак хранил молчание и со стороны казался несломленным кремнем. Он продолжал жить, будто по инерции занимаясь фермерской рутинной, но по ночам, оставаясь в одиночестве, в кровати, которая все еще пахла супругой, он плакал.

Бак же пошел по более рациональному пути. В те дни, когда на поле было нечем заняться, он снова отправлялся в горы. Бак хотел, наконец, найти нужные растения, сделать запас на будущее. Ведь если заболела мать, то не долг тот час, когда он снова услышит «КХМ-КХМ» из спальни за стеной, вот только кашлять будет отец.

Именно тогда это и произошло, во время одной из травяных вылазок (так он про себя называл свои походы). Взбираясь по склону Южного хребта, Бак неудачно поставил ногу, камень под ней обрушился вместе с землей, и он сорвался вниз. Падение показалось ему вечностью и это понятно, ведь пролетел он не меньше двадцати локтей. Сделав в воздухе полный оборот, он успел только разглядеть угловатую скалу, выпиравшую из земли, а затем что-то громко хрустнуло и мир вокруг схлопнулся.

Придя в себя, Бак обнаружил, что лежит на кровати. Она была мягкой, и будто сама подстраивалась под его, болевшую от удара, спину. Над головой, в ровном и белом, словно свежесвыпавший снег, потолке зияла дыра, а сквозь дыру светило солнце.

Бак встал и осмотрелся. Необычное помещение, в которое его угораздило провалиться, в общих чертах напоминало ему его собственный дом. Дверь, стены, кровать с тумбочкой, какой-то шкаф. Но даже полумрак, скрывавший подробности, не мог сгладить ощущение чужеродности и невероятной древности, наполнявшей то место. Это чувство пугало Бака, и в то же время манило его. Тайна, прятанная в пыли, переливавшейся маленькими белыми точками

в солнечном луче, будто шептала ему на ухо: «Останься. Раскрой меня. Здесь есть ответ на все твои вопросы.»

Бак не прошел испытание воли. Он испугался и, выбравшись через дыру в потолке, которую пробил своей спиной, убежал, прихватив с собой на память маленькую вещицу, лежавшую на тумбочке у изголовья кровати.

Временами он мысленно возвращался в то загадочное место. Он воображал, как открывает неоткрытую в первый раз дверь и вместе с этим познает тайны мироздания, скрывающиеся за ней. Но это были всего лишь фантазии, мечты о подвиге, который не давал ему совершить страх.

Сегодня страх отступил.

Стоя на холодном полу своей спальни, поджав пальцы ног и разглядывая собственное отражение в зеркальной поверхности металла, Бак твердо решил, что снова отправиться в горы, но на этот раз не струсит. Он спуститься в дыру и не вылезет, пока не разберется, что к чему.

Стараясь не шуметь, сын Рака оделся в привычную походную рубашку из плотной льняной ткани, которая доходила почти до колен, и потрепанные сапоги. Затем, бросил металлический брусок в котомку, повесил ее на плечо и тихо вышел из дома.

Иногда Баку казалось, что он поступает неправильно, скрывая от отца существование подземной комнаты. Все-таки Рак заботился о нем наравне с матерью и заслуживал знать обо всем, что происходит с сыном. С другой стороны, весна – не самый подходящий момент для забивания фермерской головы чем-то иным кроме мыслей о подготовке земли к сезону.

Большая часть долины еще спала, но те, у кого в хозяйстве имелись коровы уже проснулись и суелились во дворах. Они старались управиться побыстрее, чтобы вернуться обратно в дома, поближе к теплу печей и уюту постелей.

Бак пересек участок отца, обошел по кромке соседское поле, вышел на главную улицу деревни и побрел по ней в сторону реки, по пути наблюдая за тем, как оживает долина.

Быт местных не выделяется ничем особенным. Простые нужды удовлетворяются такими же простыми способами. Кузнец Ульф разжигает горн, это заметно по столбу дыма, устремившемуся к светлеющему небу. Жены потихоньку возятся на кухнях, готовя мужьям сытный завтрак, который поможет им хорошо работать до самого полудня. Одни за другими открываются ставни и ворота.

– Привет, Бак! – выкрикнул пробежавший мимо мальчуган. Это был Нир, сын местного торговца, единственного человека, хоть изредка покидавшего долину Двух Хребтов. Судя по деревянному ведру в руке, мальчишка бежал к колодцу за водой.

Соблюдая традицию, Бак в ответ хлопнул себя по груди ладонью, но останавливаться не стал. Их с Ниром нельзя назвать друзьями, но иногда с ним было интересно посудачить о том, чем живут люди за горами. Долина – изолированное от большого мира, тихое место, до которого большой знати с армиями и дворцовыми интригами нет ровно никакого дела. Земля родит плохо, металлов и драгоценных камней не найти, жадные горы губили всякого, кто пытался, а потому, никто извне сюда желанием попасть не горит. Зато многие хотят уйти. Да вот только кому они там нужны, на большой земле? Там и без долинных, простаков хватает.

Пройдя сквозь самое сердце деревни – рыночную площадь, на которой никого в обычные дни не бывало, Бак вышел к небольшому бревенчатому мосту.

Речушка Рубица, на берегах которой когда-то давно поселились первые жители долины, была совсем маленькой. Свое начало она брала в недрах одной из гор Северного Хребта и уходила в расщелину Южного. Рубицу можно было смело перейти вброд почти в любом месте, но не все любят мочить одежду без крайней надобности, вот и соорудили из бревен скромный мостик.

Оказавшись на противоположенном берегу, Бак спустился к воде и пошел вдоль реки. В это время года на фоне промерзлых ветров вода всегда была удивительно теплой и по утрам

над ней молочной дымкой стелился туман. Он напомнил Баку о Нировых рассказах про Божьих людей. Мальчишка с опаской говорил о них, будто боясь, что те, услышав чепуху, которую он мелет, в мгновение ока перепрыгнут через горы и сожгут его вместе с семьей на костре. Да, туман Баку напомнил про Божьих именно своей схожестью с дымом.

Нир говорил, что где-то далеко-далеко, за горами, живут странные люди. Они считают себя детьми Бога, а магов ловят, привязывают к палке и поджигают. Будто бы маги – это зло и с ним их призвала бороться святая Инвестиция.

Бак не верил ни в магов, ни в Инвестицию. «Как по мне, то это все просто сказки твоего папани, чтоб ты слушался и не шастал где попало», – так ответил он тогда Ниру.

Сейчас, шагая вдоль Рубицы и смотря сквозь туман на журчащую воду, Бак верил только в подземную комнату и в нераскрытую тайну. А еще, в то, что немного дальше по течению, в кустах у противоположенного берега кто-то лежит.

Бак замер на секунду, и взгляделся в белесую человеческую фигуру, просматривавшуюся сквозь камыши. Туман размывал силуэты и мог легко сыграть злую шутку с воображением парня, но тело есть тело, тут уж как не изгаляйся, как ни присматривайся, ежели оно лежит, то никуда не денется.

«Неужто покойник?» – подумал Бак и с опаской отступил на шаг назад. Одна только мысль о том, что придется смотреть на утопленника будоражила еще свежие воспоминания о матери, бездыханно лежащей в грязи у крыльца. Но сейчас нужно было отбросить все опасения и предрассудки в сторону, ведь если это действительно мертвец, то в первую очередь его нужно вытащить из реки, иначе вода в земле может стать ядовитой и тогда у всей долины начнутся серьезные проблемы.

Бак быстро стянул с себя сапоги и зашел по колено в воду. Раздвигая руками камыши, он подобрался поближе.

Судя по ширине плеч и четко очерченной талии, это была девушка. Молодая, стройная, с гладкой кожей (что уже не привычно для деревни) и коротко стриженными волосами, завязанными в небольшой хвостик. Она лежала на животе, абсолютно голая, и, как показалось Баку, еще живая. Ее голова и руки были привязаны к какой-то доске и благодаря этому, незнакомка не захлебнулась.

Недолго думая, Бак схватился за доску и потащил девушку на берег. Несмотря на то, что незнакомка на вид была стройной, весу в ней оказалось, как в здоровом мужчине. Тянуть ее сквозь прибрежные заросли было весьма утомительно, и когда, наконец, ее голова коснулась твердой земли, Бак тяжело выдохнул. Перевернув девушку на спину, он устало сел рядом и принялся рыться в своей походной котомке.

Даже с большим синяком вокруг глаза, лицо незнакомки было прекрасно, собственно, как и все остальное. Аккуратные груди, восхитительный изгиб бедер, плоский живот. Никакие ссадины и царапины не могли скрыть такую красоту. Но Бак не хотел на нее смотреть. Никакая, данная природой симметричность тела, никакие, даже самые идеальные пропорции не могут ничего противопоставить человеческой жестокости. Под правой грудью незнакомки была отчетливо видна тонкая рана, какую обычно оставляет кинжал или меч.

Выловив со дна котомки нож, Бак аккуратно разрезал веревки и высвободил руки девушки. Они были холодными, но не настолько, чтобы принять ее за мертвую. Незнакомка была жива, хотя радоваться рано. С такими ранами люди либо умирают сразу, либо мучаются несколько часов, может даже день, а потом все равно умирают. Вариантов не много.

Еще раз окинув взглядом тело девушки, Бак разочарованно цокнул языком и начал медленно распиливать веревку вокруг шеи, как вдруг, незнакомка открыла глаза. Увидев удивленного парня с ножом в руке, она одним ловким движением холодных пальцев выхватила у него оружие и попыталась встать на ноги, но по пути опять потеряла сознание и упала, как пустой мешок.

Жителям долины еще никогда не приходилось видеть такое зрелище, а потому, они с нескрываемым интересом провожали Бака взглядом, при этом, о чем-то оживленно перешептываясь друг с другом. Оно и понятно, ведь не каждый день по деревне расхаживает фермерский сын с голой девицей, перекинутой через плечо.

– Эт чё это у тебя такое? – подбежал любопытствовать Нир. Мальчуган не поспевал за Баком и ему приходилось на один его длинный шаг делать по три своих коротких.

– Девка, – невозмутимо ответил Бак, – Сам не видишь?

– Конечно вижу. Отчего ж не видеть? Вон, все на показ. И где таких раздают?

– Не твое дело. И не заглядывай, куда не положено. Маленький еще.

Свое замечание Бак сопроводил хлестким подзатыльником. Нир тут же отскочил в сторону и принялся обиженно тереть голову. От рождения любопытный характер постоянно тянул его туда, где ему непременно прилетало, но несмотря на регулярные оплеухи, любопытства, как ни странно, не убавлялось.

По мере продвижения Бака по деревне, зевак становилось все больше, и такое пристальное внимание его начало изрядно раздражать. Люди, не понимая, что конкретно видят, стали выкрикивать неуместные замечания по поводу наготы незнакомки, затем переключились и на самого Бака. Старухи ворчали об упадке нравов, мужики завистливо качали головами, а некоторые, особо наглые, присвистывали вдогонку, видимо, считая, что красавица вдруг ни с того ни с сего придет в себя и броситься в объятия свистящего.

Помощь пришла оттуда, откуда Бак ожидал ее меньше всего. Его нагнала жена кузнеца. Одной рукой она придерживала подол своей юбки, а в другой крепко сжимала, развивавшийся на ветру, большой кусок ткани.

– Срамота то какая, – Мирта, взволнованная и запыхавшаяся, подбежала к продолжавшему шагать Баку и суетливо прикрыла тканью наготу незнакомки.

– Спасибо, – слегка наклонившись, поблагодарил Бак, – я вам позже верну.

– Ой, – отмахнулась она, – ей нужнее.

Спорить с ней было бессмысленно. Как и сам Ульф, Мирта в своих убеждениях была упертой и твердой. Когда они с кузнецом сыграли свадьбу, люди говорили, что столкнулись две горы. Никто не верил в прочность такого брака, ведь главное в семейной жизни – это гибкость. У каждого характера есть свои шероховатости, к которым так или иначе приходится притираться. Но, несмотря на все предсказания, эти две горы до сих пор стоят рядом. Правда, пока еще детей не завели, но тут уж дурное дело нехитрое.

Рак уже привык к тому, что временами его сын пропадает непонятно где, просто молча набивает свою котомку едой, и уходит. По первой он не обращал внимания на такое странное поведение. Мало ли что могло твориться в голове подростка, чья мать на днях умерла? Но время шло, начинался посевной сезон, и работы на поле становилось невпроворот, а единственного оставшегося помощника днем с огнем не сыщешь, это уже начинало порядком раздражать.

Сегодняшним утром Рак вымещал скопившуюся злобу на деревянных колышках. Он шел по тропинке вдоль поля и, сцепив зубы вбивал их, один за другим, помечая будущие посевы, а между тем, недовольно ворчал.

– Дали же Хребты нахлебника на мою голову.

Стук – стук.

– Растил его, кормил, поил, а он что?

Стук – стук.

– Мог бы и помочь старику, но нет, он лучше свалит куда подальше, лишь бы руки не пачкать.

Стук – стук.

– Вот вернется, я ему шею-то намылю. Будет у меня как шелковый...

Как по заказу, дверь калитки привычно скрипнула и во двор почти ввалился Бак. Издалека Раку показалось, что его сын волочет какой-то мешок, но это было не важно. Фермер сам себя уже накрутил, настроил на конфликт, и собирался выпустить пар, не смотря, ни на что.

– Ах вот ты где, гаденыш, – прошипел он, – ну сейчас ты у меня узнаешь, что такое благодарность. Я тебе покажу как...

Рак уверенной походкой направился к дому, но постепенно замедлил шаг. Его глаза были уже не те, что раньше. Постоянное пребывание на солнце притупило его зрение, но даже с такого расстояния он еще мог отличить мешок от девицы, и его сын тащил явно не мешок.

Бак, пыхтя и сдувая, норовившую затечь прямо в глаз, капельку пота, поковылял через весь дом, ногой распахнул дверь своей комнаты и аккуратно переложил незнакомку с плеча на кровать.

– Что ты тут устроил? – возмущенно прорычал вошедший в комнату Рак, – Сперва уходишь непонятно куда, теперь вот бабу притащил. Она хоть живая?

Фермер заглянул своему сыну за спину, чтобы рассмотреть поближе незваную гостью, но тут же зажмурился и отвернулся. Покрывало Мирты слегка сползло. Грудь, часть живота и бедро девушки оказались неприкрыты, как и рана в правом боку. Вид такого красивого и подтянутого девичьего тела заставил Рака невольно вспомнить свою жену. Ее голос возник у него в голове и до боли знакомым командным тоном приказал отвернуться.

– Живая, – угрюмо ответил Бак, – пока еще. Я ее в Рубице выловил. Кажется, ее хотели убить.

– Убить? – Рак испуганно глянул сыну в глаза, затем торопливо поправил на девушке покрывало и вывел Бака в коридор, – Зачем ты ее к нам принес?

– Я думал это и так понятно.

– Тебя кто-нибудь видел? – он взял сына за плечи и с силой встряхнул, – Кто-нибудь видел, как ты ее занесишь сюда?

Бак понял, к чему клонит отец и от этой мысли ему стало мерзко.

– Вся деревня видела, – он отстранился, – так что, если ты собираешься выбросить ее где-нибудь в канаве, как вонючую дворнягу, то люди узнают, кто это был. А если спросят – я подтверждаю.

– О великие Хребты... – Рак задумчиво потер свою бороду, а затем молча развернулся и пошел на кухню. Подойдя к окну, он посмотрел, не собрались ли за забором зеваки, и с силой задернул маленькие занавески.

– Она сильна, я чувствую это, – зайдя следом за отцом на кухню, продолжил Бак, – но сама она не вытянет. Я просто не мог оставить ее там, в воде.

Он начал рыться в шкафах, пытаясь найти бутылку, которой, к счастью, на ферме Рака редко находилось применение.

– Ох накличешь ты на нас беду, сын. Ох накличешь... – сердце старого фермера разрывалось между человеческим желанием помочь страдающему, и животным инстинктом уберечь свое жилище и потомство. Он смотрел через маленькую щелку между занавесками на деревянный забор и калитку, а в его голове роились беспокойные мысли: «А что, если девица – преступница? Может быть она воровка, или убийца? Кто знает, может те, что хотели ее смерти захотят убедиться в том, что дело сделано, и когда не найдут тела – начнут ее искать?»

Неподъемным грузом на плечи Рака легло бремя выбора, решение – жить человеку, или умереть. Разве под силу обычному фермеру найти ответ на такое? Может быть те, кто тычут

мечами в девиц и способны на это, но его народ, живущий в долине двух Хребтов, верит в то, что только Великие Горы с высоты своих вершин в праве судить о подобном.

– Я не позволю этому дому пережить смерть еще одной женщины, – наконец ответил Рак, – пускай остается до тех пор, пока не сможет уйти. Ни больше ни меньше.

Он с грубой решительностью отодвинул сына, и из дальнего угла одного из кухонных шкафов извлек заветную бутылку. Она была мутноватой, с пробкой, залитой свечным воском. Несколько лет назад, отец Нира, из очередной торговой вылазки на большую землю, привез в долину два ящика подобных бутылок. Во всех без исключения была прозрачная и резко пахнущая жидкость, которую он назвал мертвым вином. Домохозяйки разбавляли ее водой и использовали как приправу, но и для чистки ран она вполне подходила.

Рак откупорил бутылку, намочил ее содержимым небольшой клочок тряпки и вся кухня тут же наполнилась кислым запахом.

Незнакомка лежала на кровати в том же положении, в котором ее оставил Бак. Ее волосы растрепались и, сложившись в причудливый узор, покрывали подушку. Глаза девушки беспокойно вращались под горячими от жара веками, ей снился кошмар, и в этом кошмаре Отец раз за разом вонзал в ее грудь раскаленную пику.

Рак осторожно приоткрыл дверь сыновей спальни и, стараясь издавать как можно меньше звуков, вошел внутрь. Ему казалось, что девушка от случайного шороха вскочит и кинется на него, вопя проклятья. Старый фермер ни разу в своей жизни не видел настоящую ведьму, но много разных баек слышал об этом зловещем роде. Поговаривали, будто бы они наводят на себя чары, чтобы казаться вечно молодыми и необычайно красивыми, а на самом деле под фальшивой личиной кроются ужасные, заживо гниющие монстры, готовые проглотить тебя одним махом.

Вот и Рак, сбитый с толку необычайной красотой незнакомки, боялся, что волшебство потеряет силу, вот-вот рассеется, обнажив ужасные волдыри и бородавки. Но с каждым продланым шагом, его простое фермерское сердце успокаивалось, и причиной тому было багровое пятно, растекавшееся по белизне простыни, ведь, как известно, у ведем кровь черная как сажа.

Сдвинув ткань ровно на столько, чтобы ненароком не увидеть ничего лишнего, Рак как следует рассмотрел рану. Дела у незнакомки были плохи. Бак оказался прав, ее пытались убить, и тот, кто это сделал знал, куда бить. Рана выглядела скверно, ее края были обожжены, а от недавней тряски кровотечение только усилилось.

Фермер поднес пропитанную мертвым вином тряпку к ране, в ожидании худшего прищурился, и резко приложил компресс. В ответ девушка слегка поморщилась, а затем ее лицо снова стало полностью отрешенным. Только вращающиеся под веками глаза, да еле заметное дыхание выдавали в ней живого человека.

Жизнь на ферме продолжила свое размеренное течение, но Бак и его отец знали, что ничего уже не будет как прежде, что, несмотря на кажущуюся обыденность, все происходящее приобрело какой-то новый слой, налет, если можно так выразиться, и причиной такого ощущения была загадочная красавица из Рубицы.

Временами у калитки околачивался Нир, как бы ненароком пытаясь выведать, что же это за девица такая, да как у нее дела, но желанных ответов не получал. Мирта тоже заглянула разок, хотела вернуть свою простынь, но Бак прекрасно знал, что не ткань ей была нужна, а сплетни. Всей деревне были нужны сплетни. А как иначе? В долине мало чего происходит, но уж если что случилось, то это непременно должно стать достоянием общественности. Таков удел маленьких коммун, от него никуда не деться и Бак понимал это так же хорошо, как и то, что лишние знания приносят только беды. Он вежливо поблагодарил жену кузнеца за простыню и извинился за то, что она бесповоротно испорчена кровью. Взамен он отдал ей другой,

заранее приготовленный кусок ткани, на все остальные вопросы ответив лишь скромным «мы сами пока еще ничего не знаем».

Используя незнакомку как рычаг давления, Рак, наконец, получил, так необходимого ему помощника. «Никаких самоволок, пока она в доме» – такой ультиматум он выдвинул и Бак согласился. Он покорно забивал колышки, копал, носил, делал все, что прикажут. На время он стал идеальным помощником фермера, и все ради нее, все ради той, о ком он не знал ровным счетом ничего. Может быть она была плохим человеком? Может быть она заслужила смерть? Этого Бак не знал, да по большому счету это и не важно. Он просто хотел спасти человека, совершить хороший поступок, чтобы заполнить чувством выполненного долга дыру в душе, оставшуюся после смерти матери, черную, холодную и бездонную дыру в которую его по ночам утаскивали ее безжизненные зеленые глаза.

Иногда, в моменты, когда монотонная работа уносит мысли далеко за пределы головы, Бак все еще грезил о подземной комнате, но быстро умирал свое любопытство. Все равно, на походы времени не оставалось, каждую свободную минуту он проводил в своей спальне, сидя у кровати и смотря на то, с какой удивительной скоростью тело девушки залечивает ссадины и синяки. Рана же в правом боку заживала гораздо медленнее остального. Компрессы из мертвого вина помогали останавливать то и дело открывавшееся кровотечение, но бутылка неумолимо пустела, а новую найти будет достаточно тяжело, если не сказать невозможно.

Бак не осознавал, что будет, если без должного ухода в кровь попадет болезнь, зато его отец прекрасно представлял последствия и в тайне надеялся, что так и будет. Мертвое вино закончиться, рана станет плохой, почернеет и быстро прикончит незваную гостью. Нет человека – нет проблем. Можно будет со спокойной совестью сказать сыну, что они сделали все возможное, но Горы решили иначе. Затем девушка отправиться на дно могилы, а вместе с ней и все возможные неприятности, которые она могла навлечь на голову несчастного фермера.

Этому случиться было не суждено.

На утро пятого дня Бак проснулся от привычного «КХМ-КХМ». Импровизированный матрас, который он соорудил из тряпья и соломы прямо на полу, возле кровати, занятой незнакомкой, довольно плохо удерживал тепло, и неприятный холод от промерзшей за зиму земли сквозь половицы проникал парню прямо в мышцы, вызывая судороги и ноющую боль. Бак был готов на такие жертвы, ему хотелось быть всегда рядом, всегда на чеку, чтобы не пропустить тот драгоценный момент, когда девушка очнется. Она медленно откроет свои прекрасные глаза и первым, кого она увидит, будет он – ее спаситель, тот, кто выловил ее из реки и ухаживал за ней, тот, кому теперь можно сказать: «спасибо».

Потянувшись и немного размяв задубевшую спину, Бак встал на ноги. В доме было холоднее чем обычно и шея парня покрылась гусиной кожей. «Надо бы подкинуть дров в печь, – подумал он, поджав пальцы ног, – а не то наша больная может действительно заболеть». Он подошел к шкафу, открыл его и достал со дна одного из отделений черный, угольный предмет, загадочный артефакт, найденный в подземной комнате. Хоть Бак и не мог уйти в поход, но мечтать не запретишь. Он поднес предмет к лицу и взгляделся в отражение, колебавшееся на отполированном металле. В этом отражении он увидел свое, изможденное переживаниями о судьбе незнакомки, лицо и еще что-то. Какое-то изменение, которое он никак не мог уловить. Бак присмотрелся получше и с удивлением понял, что отражавшаяся в металле кровать за его спиной была пуста.

Было так странно, девушка, неподвижно лежащая на его постели, за последние дни настолько сильно отпечаталась у него в сознании, что стала походить на привычный предмет интерьера. Пока ты не думаешь о нем, его будто бы и нет, но если он пропадет, то это сразу станет заметно.

Бак хотел, было, повернуться, посмотреть, куда запропастилась незнакомка, но не успел. Одна сильная девичья рука закрыла ему рот, в то время, как другая больно вывернула запястье.

- И только попробуй закричать, – сказал басовитый, почти мужской голос.
Бак послушно не издал ни звука, а даже если бы и попытался, все равно не смог бы.
– Сейчас я буду задавать вопросы, – продолжил голос, – а ты будешь на них отвечать.

Кивни, если понял.

Бак кивнул.

– Сколько человек в доме?

Он медленно кивнул, затем сделал паузу и кивнул еще раз.

– Хорошо. Оружие есть?

Бак отрицательно мотнул головой.

– Ты знаешь, кто я?

«Нет»

Вдруг, его развернули на месте.

– А, значит ты тот пацан, что меня из воды вытащил?

Источником басовитого голоса оказалась незнакомка. Она твердо стояла на ногах и сверлила его пристальным взглядом.

Такого поворота событий Бак точно не ожидал. Что угодно, от нежного поцелуя в знак благодарности, до возмущенного вопля, решившей, что ее похитили, принцессы, но только не заламывание руки и допрос.

Видя, что паренек понимает гораздо меньше, чем она сама, девушка немного успокоилась, поправила сползшее с плеча одеяло и представилась.

– Аделаида, – сказала она и слегка наклонила голову.

Нир рассказывал, что на большой земле люди здороваются иначе, но Бак был настолько обескуражен происходящим, что совершенно забыл про это.

– Бак, – промямлил он и по привычке приложил ладонь к груди.

– Хм, значит я в долине Хребтов. Это хорошо. Говорят, вы здесь любите вкусно поесть...

В это утро Рак проснулся гораздо позже обычного, и скорее всего тому виной была усталость. Подготовка фермы к сезону была в самом разгаре, и он отдавал без остатка все свои силы земле, ведь как говорят долинские: «Кто не пашет – тот не сеет, кто не сеет – тот не ест».

Открыв глаза Рак обнаружил, что в доме тепло, а значит печь уже во всю поедает дрова, и в этом не было ничего странного – Бак частенько мерз по ночам и иногда мог встать, чтобы подкинуть дровишек – но вот запах еды, лукаво манящий на кухню, уже заставлял задуматься. Склонности к кулинарии за сыном не замечалось, и басовитый голос, доносившийся из-за двери кухни, вызывал еще больше вопросов.

– Что происходит? – спросил Рак с порога, увидев, как девушка, еще вчера борющаяся со смертью, по-хозяйски копается в кухонных шкафах.

– Отец, – Бак встал из-за стола и приготовился к скандалу, – она просто хочет есть. Я не хотел тебя будить и...

– Эй! – гаркнул фермер, не обратив внимания на сына, – Если ты можешь стоять на ногах, то тебе лучше уйти. Гостеприимство этого дома закончилось. Тебе здесь больше не рады.

Девушка пропустила замечание мимо ушей и продолжила рыться в шкафах.

«Ну это уже ни в какие ворота, – возмущенно подумал Рак. – Что она себе позволяет? Довольно было того, что из моей фермы устроили не-то ночлежку, не-то избу целителя. Нет, я ей сейчас покажу, что нельзя вот так вламываться на чужую кухню и...»

Рак стремительно преодолел расстояние, разделявшее его и наглую незнакомку, затем изобразил на лице наиболее устрашающую гримасу, на которую только был способен, и положил руку на хрупкое девичье плечо. Вернее, хотел положить. В самый последний момент перед

прикосновением Аделаида извернулась словно змея и, сделав едва заметное движение, оказалась у него за спиной.

– Полегче, мужик, – она нажала пальцем на нервный узел у основания загорелой до черна фермерской шеи и Рак почувствовал, будто его ударило молнией. Все его тело парализовало, но это ужасное ощущение беспомощности ничуть не отбило желание ссориться, только лишь отсрочило взрыв ненадолго.

– Эт твой батяня? – Аделаида, не отнимая пальца, поинтересовалась у Бака.

– Что ты с ним сделала? – взволнованно спросил паренек.

– Ничего, пока что, – она снова повернулась к фермеру и наклонилась чуть ближе, так, чтобы ее тонкие, изящные губы почти касались мочки его уха, – Слушай меня внимательно и запоминай каждое слово. Мне абсолютно плевать на гостеприимство твоего дома, либо чьего-то еще. Я везде незваный гость и давно уже к этому привыкла. И я бы с радостью свалила из вашей вшивой деревеньки куда подальше, как только смогла бы ходить, вот только есть одно «но». Твой сын спас мне жизнь, а там, откуда я родом, это значит очень много, это значит, что я ему должна. Еще, там откуда я родом принято отдавать долги во что бы то ни стало, и я не уйду, пока не решу, что отплатила сполна. Надеюсь, ты не станешь мне мешать, ведь, как я посмотрю, это и в твоих интересах тоже. А сейчас я отпущу тебя, и ты пожелаешь своему сыну доброго утра, как это делают хорошие родители.

Она убрала руку и в этот же миг к Раку вернулся контроль над телом. Фермер испуганно отстранился, затем промямлил что-то отдаленно напоминающее «с добрым утром» и выбежал из дому, на прощание громко хлопнув дверью.

– Он всегда такой мудака? – поинтересовалась Аделаида, поправляя сползшую с плеча простынь.

– Нет, он хороший человек. Просто он думает, что ты навлечешь на нашу ферму беду, и, по правде сказать, теперь я тоже так думаю. Давай быстрее покончим с завтраком, подыщем тебе подходящую одежду, и ты продолжишь свой путь, куда бы он тебя ни вел.

– А ты неплохо вяжешь слова, как для фермерского отпрыска, – держи в одной руке свежую буханку хлеба, а в другой – начатый кусок сыра, девушка села за стол, – Но с памятью у тебя все равно беда. Я же говорю, что никуда не пойду, пока не верну должок. Ты что, не слушал?

– Слушал, – почти обиженно ответил Бак. «Фермерский отпрыск» в его адрес прозвучало как оскорбление и это слегка задело его самолюбие, – но не совсем понял.

– Чего тут понимать? Мир так устроен, что на любую силу найдется другая контрсила, на любое действие – противодействие. Сделал добро – будь добр получить в ответ.

Аделаида самодовольно улыбнулась, обнажив ровные, белые зубы, на которые налипли кусочки сыра.

– Но я не хочу ничего взамен, – возразил Бак, – Я выловил тебя не за награду, просто ты нуждалась в помощи и...

– Ой, вот только не надо заводить эту старую песенку про безвозмездное добро и прочую лабуду. Не бывает хороших поступков за даром. Миром правит выгода и корысть.

Бак хотел начать спорить, но тут же осекся. Сама мысль о том, что добрые поступки требуют награды, задела его на порядок сильнее «фермерского отпрыска», но ему нечего было сказать против. Он сам прекрасно понимал, что тащил на себе через всю деревню умирающую незнакомку не просто так.

– Ладно, – после недолго молчания продолжил он, – и что ты предлагаешь?

Рак выскочил на улицу и со всего маха ударил кулаком о дверь сарая. Дерево, естественно, оказалось крепче чем фермерская рука. Саднящая боль в костяшках примешалась к, уже загоревшемуся в его душе, пламени досады, и только усугубила дело.

– Да кем она себя возомнила?! – рявкнул он себе под нос. Еще он хотел добавить, что сейчас соберется с силами, вернется на кухню и покажет этой шалашовке, кто в доме хозяин, но тут-же вспомнил, на что она, шалашовка, способна используя лишь один палец, и что у нее этих пальцев еще девять.

Признав свое очевидное и не менее позорное поражение, Рак принялся растирать отбитый кулак и обдумывать план мести, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Это Нир, купеческий сын, наблюдал за ним, сидя сверху на заборе, как на лавке.

– А ну пшол вон, щенок! – Рак схватил первый попавшийся под руку камень и, не целясь, бросил его в мальчишку. Снаряд пролетел в паре локтей от цели и упал в кусты, росшие через дорогу, чем напугал, дремавших там спина к спине, котов.

Нир проводил взглядом разбегающихся в разные стороны животных, затем показал фермеру неприличный жест и, спрыгнув с забора, побежал домой. Отцу мальчишка о камне вряд ли расскажет, не велико дело, этого доставалу в деревне и похлеще гоняли, но Рак все равно выскочил через калитку на улицу и окликнул Нира.

– погоди, – он быстро нагнал мальчика.

– Чего? – переспросил Нир, слегка прищурился.

– Да я это... переборщил. Извини, просто я сильно переживаю за Бака и...

– За Бака? – почуяв свежие, парные сплетни, оживился Нир, – А что с ним?

Рак выдержал драматическую паузу, подозрительно оглянулся по сторонам, мол, не подслушивает ли кто лишний, и полусшепотом сказал: «Кажется, моего сына околдовала ведьма».

– Ведьма?

Рак кивнул. Видя, что внимание мальчишки теперь полностью обращено на него, он решил, что лучшего момента не сыскать.

– Да! Та девка, которую он домой приволок – не иначе как ведьма, и она заморозила моего бедного сыночка.

– Да ладно вам... что вы выдумываете? – Нир изобразил недоверие, но по всему было видно, что он готов поверить каждому, даже самому невероятному слову, лишь бы было интересно.

– Нет, все как есть говорю. Ведьма она! Эта зараза меня тоже хотела заколдовать, но я успел на улицу выбежать. Ты же сам видел.

Нир действительно видел, как Рак впопыхах выбежал во двор, и эта маленькая щепотка правды заставила его поверить во все остальное, что собирался ему наплести хитрый фермер.

– Так что, сходишь со мной в поход?

– Звучит скучновато, – Аделаида недовольно скривила лицо, держа перед собой на вытянутых руках белый, длинный сарафан, – На расплату за спасение жизни не тянет, но можно попробовать. Мало ли чего... А штаны у вас на ферме водятся?

– Штаны? – переспросил Бак.

– Ну да, которые на ноги надеваются.

Она повернулась, чтобы показать, о чем говорит, на Баке, но тот был одет лишь в грубую льняную рубаху до колен, перевязанную на поясе веревкой.

– Так, – Аделаида напрягла память, и вспомнила, во что был одет грубиян-отец, и ей в голову пришло понимание, которое она захотела подкрепить вопросом, – У вас тут что, штаны не носят?

На большой земле о быте жителей долины Двух Хребтов знают совсем немного. Слухи в прилежащих селениях, конечно, ходят разные, и среди них мелькают те, в которых фигурирует отсутствие штанов, но обычно они всегда сопровождаются другими, более странными, например, о том, что долинские поклоняются камням и едят землю. Такое, естественно, не прибавляет веры.

– Нет, – подтвердил опасения Ады Бак, – Наш кузнец надевает кожаные накладки на ноги, чтобы не обжечь кожу. Можно будет пойти и попросить у него запасные, если есть.

– Да ладно уж, – она разочарованно отмахнулась и снова пробежалась взглядом по предложенному сарафану, – и так сойдет.

После недолгих приготовлений и сборов, Бак привычным движением перекинул, разбухшую от припасов, походную котомку через плечо и вышел во двор. Аделаида уже ждала его там. В своем новом наряде она смотрелась даже более эффектно, нежели в negligé. Слегка приталенный сарафан удачно подчеркивал стройность девичей фигуры, а если не обращать внимания на чересчур басовитый тон голоса и хамоватую манеру речи, то Аду можно было бы смело назвать идеалом.

Перед уходом Бак решил, наконец, доверить отцу свою тайну. Он хотел показать ему странный отполированный металлический предмет, рассказать о загадочной комнате, спрятанной под землей в горах. Он просто хотел утешить его после неприятного утреннего происшествия на кухне, выказав ему должное уважение, которого старый фермер вполне заслуживал. Но Рака нигде не было видно, ни во дворе, ни на поле.

– Ну что, – Ада нашла своего спасителя у сарая, – пойдем?

– Да, – ответил Бак с легкой ноткой досады в голосе, – конечно.

Он собирался повести свою новую спутницу той же дорогой, которой и сам не раз по утрам уходил из деревни. Вдоль полей по тропинке к центральной улице, а там и площади, чтобы показать, как живут местные. Дальше, по небольшому деревянному мостику через Рубицу, к тому месту, где нашел ее саму, и... судя по всему ни одному из его сегодняшних планов не суждено было сбыться.

Деревня будто вымерла.

Никаких тебе суесящихся хозяйшек, занимающихся своими обыденными заботами во дворах. Поля стоят пустыми, и это несмотря на то, что сезон уже наступает на пятки. Даже кухня Ульфа пустовала, хотя жар в горне был, словно еще совсем недавно здесь кипела работа.

Бак шел по главной улице и озадаченно вертел по сторонам головой в поисках причины внезапного запустения. Он никак не мог понять, куда могли подеваться все люди, вот так взять и исчезнуть в один миг. Аделаида же, почуяв неладное, немного сбавила темп и начала потихоньку отставать от своего провожатого. Она знала, что люди в изолированных поселках частенько бывают чересчур впечатлительными и истеричными. Когда они чего-то не понимают, то сбиваются в стаю вокруг того человека, который первым предложит хоть какое-то объяснение, и, как правило, это объяснение берет свои корни в суеверных страхах.

Толпа испуганных людей, объединенных непониманием – вещество взрывоопасное и шумное. Гомон, перешептывания, дрожащие от страха голоса и гневные выкрики мужиков, желающих показать свою храбрость – это верный признак опасности, с которой Ада, по причине своего происхождения, сталкивалась постоянно, а потому, замечала ее гораздо раньше обычных людей.

Бак нашел ответ на вопрос «куда все подевались?», когда дошагал до главной площади долины Двух Хребтов. Он не мог сказать точно, все ли здесь были, но похоже было на то. Люди стояли плотным кольцом, окружив кого-то в самом центре площади. Этот кто-то, надрывая голосовые связки, призывал долинских к чему-то, чего Бак, из-за расстояния и шума толпы, слышать не мог. Зато он отчетливо слышал одобрительные выкрики людей после каждой фразы невидимого оратора.

– Смотрите! – вдруг выкрикнул кто-то из толпы, заметив стоящего поодаль Бака, – Вот он!

Люди стали постепенно оборачиваться и спустя всего пару секунд, около сотни глаз уставились на фермерского отпрыска. Они сверлили его взглядами, полными недоверия и страха.

От такого неожиданного давления Баку стало не по себе. На мгновение он почувствовал себя голым и беспомощным. Ему казалось, будто весь мир обозлился на него, но не знал, почему.

– Вглядитесь в него, – разорвал воцарившуюся тишину голос оратора, стоявшего в центре толпы, – Этот человек больше не мой сын!

Люди расступились, образуя живой коридор между Баком и его отцом, который и был причиной такого столпотворения.

– Речная ведьма околдовала его! Она запутала моего мальчика, запудрила ему голову своей черной магией.

– Отец, что ты говоришь? – удивленно спросил Бак.

– Вглядитесь в его глаза, – пропустил вопрос мимо ушей Рак, – и вы увидите в них страх. Он боится вас. Боится людей, с которыми прожил бок о бок всю жизнь. Мирта, ты видишь?

В коридор из людей вышла жена кузнеца и кивнула.

– Вижу! – прокричала она, – Вижу чары на нем!

После этих слов по толпе пробежала волна перешептываний. Почему-то Мирту жители долины без всяческих вопросов назначили экспертом в области проклятий и доверились ее мнению, как своему собственному.

– Что здесь происходит? – еще раз спросил Бак, хоть сам уже прекрасно знал.

– Не волнуйся, сын, – ответил на этот раз Рак, – То, что ты выловил из Рубицы не иначе как речная ведьма. Она хотела обманом утащить тебя к себе, на глубину подводного царства, но мы ей этого не позволим. Ведь так?! – толпа разразилась одобрительными возгласами, – Только скажи нам, где она прячется.

– Прячется?

Бака удивил этот вопрос гораздо больше, чем все остальное действо. Зачем узнавать, где прячется человек, который стоит прямо... Он обернулся и понял, что Ады за его спиной уже не было, только пустая деревенская улица.

– Не тхни, – послышался раздраженный голос из толпы.

– Да! – подхватил второй, – Покажи ведьму!

Спина Бака покрылась гусиной кожей. Он все еще не до конца понимал, что здесь творится и почему люди решили вдруг ополчиться против ни в чем неповинной девушки, которую не все даже видели. Но больше всего не укладывалось у него в голове, от чего отец его оказался во главе возмущенной толпы. Где-то в дальнем, крошечном уголке сознания мерцало простое и ясное как день объяснение, но Бак не хотел обращать на него внимания. Он не хотел верить в то, что для простого долинного фермера уязвленная гордость и ощущение главенства в доме значат так много, что он готов соврать целой деревне, поставив на кон чужую жизнь.

Тем временем напряжение на главной площади долины Двух Хребтов подбиралось к тому пределу, за которым даже самый опытный оратор не сможет удержать контроль в своих руках.

– Требуем ведьму! – кричали люди, – В петлю ее!

Бак беспомощно наблюдал за тем, как те, кого он знал с самого детства, превращались из милых и приветливых соседей в дикарей, жаждущих крови и зрелищ, как вдруг увидел промелькнувший в толпе знакомый мамин белый сарафан.

Аделаида спокойно шла сквозь бушующее человеческое море словно крепкий корабль, ведомый через бурю храбрым и опытным капитаном. Удивительно, но никто из тех, кто так отчаянно требовал привести ведьму, не замечал ее у себя прямо под носом. Поэтому девушка

без каких-либо проблем пробралась в самый центр деревенской площади, встала за спиной у Рака-предводителя облавы и, как следует вдохнув, продекламировала: «Речная ведьма прибыла на зов!»

Услышав уже знакомый басовитый голос, донесшийся из-за плеча, Рак вздрогнул и повернулся на месте.

– Ну? – Аделаида улыбнулась и одарила фермера нетерпеливым взглядом, – Чего хочешь?

Толпа как по команде затихла, давая своему лидеру возможность достойно ответить, но Рак явно не ожидал, что ему придется снова встретиться со своей обидчицей лицом к лицу. Он уже испытал на собственной шкуре ее силу и всем сердцем надеялся переложить самую сложную часть работы на одуроченных людей.

– Я? Я эм... – он замешкался, пытаясь собрать мысли в кучу и продумать свои дальнейшие слова. Слишком уж близко была Аделаида и, случись что, он точно получит первым, а этого Раку совсем не хотелось.

– Сними чары с моего сына, ведьма, – наконец выдал он предательски дрожащим голосом, – и убирайся прочь из нашей деревни.

Из Аделаиды вырвался сдавленный смешок, но она быстро взяла себя в руки, сделала странный жест и щёлкнула пальцами.

– Готово. Твой сын свободен. Есть еще просьбы или пожелания, или я пошла?

Рак озадаченно оглянулся по сторонам. По толпе прокатилось возмущенное ворчание.

– Эм... да! Уходи и больше не возвращайся!

Горе заводила всем сердцем надеялся, что люди поддержат его и просто расступятся, давая девушке возможность покинуть деревню без рукоприкладства, а сам, тем временем, глазами искал брешь в плотно обступившей его стене из односельчан.

– Так не пойдет! – вдруг выкрикнул Ульф, выходя в центр круга и посильнее затягивая ремень вокруг своего кожаного кузнечного фартука, – Не знаю, как вы, а я не собираюсь мириться с ведьмой в реке. Наступит время и Мирта родит мне сына, а я, вместо того, чтобы заботиться о нем, буду думать только о том, когда эта тварь снова сунет нос в нашу деревню и заберет его у меня? В петлю ее, да и дело с концом! Вот, что я думаю.

На этот раз мнения в толпе разделились. Кто-то шептал, что так ей и надо, мол, убить ее нужно, пока есть возможность. Другие же отнекивались, боясь темной магии и проклятий. Этим страхом и решила воспользоваться Аделаида.

– Не спеши, кузнец, – сказала она, – а не то прокляну тебя и весь твой род до седьмого колена, и будут у вас рожаться только девки, да и те одноглазые. Усек?

Сперва угроза пробрала Ульфа, в его воображении возникло уродливое детское лицо, своими чертами отдаленно напоминающее его жену, Мирту, и на этом лице был всего один глаз – на лбу. Но работа с раскаленным до бела металлом хочешь не хочешь, а закаляет характер, воспитывает в человеке волю и, немного, смелость. Ульф все же переступил через страх и решил разрешить вопрос так, как хотел – силой. Тем более, что размерами он превышал «речную ведьму» почти в два раза, а значит особых проблем возникнуть было не должно.

– Ты меня не пугай, зараза! – проревел кузнец, теряя последние капли терпения, – Вы что, люди, не видите, как она вас морочит? А ну скопом ее, да в петлю!

– В петлю ведьму! – поддержала его часть толпы, что посмелее. Остальные же робко промолчали, не желая навлечь на себя гнев речного духа.

Услышав одобрение людей, Ульф довольно кивнул и, расставив в стороны руки, бросился на «ведьму», в попытке схватить ее, но не сумел. Аделаида ловко извернулась, уходя в сторону, и, согнув указательный палец, костяшкой надавила кузнецу на нервный узел чуть ниже затылка – в то самое место, куда утром давила Раку – а затем провернула, чтобы эффект продлился какое-то время.

Ульф почувствовал, будто все мышцы в его массивном теле одновременно сжались. Разряд невидимой молнии прошел по позвоночнику от макушки и до самых пяток. Кузнец охнул и упал на живот.

Все произошло так быстро, что те, кто стоял в передних рядах, не успели ничего заметить, а остальные же, вообще ориентировались только по звуку и звук этот был недобрым, так что впечатление у всех сложилось единое – речная ведьма использовала магию.

Рак понял, что напряжение достигло того момента, когда толпа переступает черту, за которой лишь хаос, и начал отходить назад, чтобы выйти за радиус взрыва, что вот-вот произойдет. Надеясь отвлечь всех от своего позорного побега, он выкрикнул: «Она убила Ульфу! Бей ее!» и, воспользовавшись начавшейся суматохой, скрылся.

Услышав призывный клич, толпа взорвалась. Те мужики, кто был ближе всего к центру круга, вопя и бранясь по чем зря, бросились на Аделаиду. Они размахивали вилами, топорами, лопатами, тянули к ней руки в тщетной попытке схватить, но все было без толку. Девушка извивалась, словно змея и описывала невиданные пируэты, с легкостью уходя от любого удара.

Не смотря на суматоху и давку, Аделаида чувствовала себя уверенно. Благодаря своим рефлексам и нечеловеческой скорости реакции она могла себе позволить не использовать смертельные захваты и удары, ограничившись лишь временным обездвиживанием. Пригибаясь и прыгая, девушка, словно отлично отлаженная машина, раз за разом прижимала костяшку указательного пальца к шее очередного увальня-мужика, слегка проворачивала, и нервная система жертвы тут-же погружалась в недолгую пучину агонии, валя хозяина с ног.

Неразбериха продолжалась не долго. Постепенно ряды смельчаков редели. Те, кто хотел померяться силой с ведьмой либо уже лежали в пыли, тихонько постанывая, либо боялись подойти ближе, чтобы не присоединится к первым. Остальные же и вовсе, поджав хвосты, разбежались по домам, будто побитые дворняги, в страхе, что взбеленный речной дух, расправившись с храбрецами, возьмется за трусов.

Когда Бак пришел в себя дело уже было сделано. Единственная площадь долины Двух Хребтов, на которой люди, обычно, собирались только в честь ярмарки, превратилась в странное подобие поля боя, с тем только отличием, что вместо трупов и раненых на земле, не в силах пошевелиться, тихонько постанывала большая часть мужского населения деревни. Парализованные люди, вилы, топоры и лопаты образовывали странный кольцеобразный узор, в центре которого стояла Аделаида.

– Ну что, – крикнула она, оглядываясь по сторонам, – есть еще желающие вздернуть ведьму?

Ответом была тишина. Тогда она подняла с земли веревку с петлей, которую одуроченная деревенщина хотела затянуть вокруг ее шеи, и махнула рукой Баку.

– Эй, фермерский отпрыск! Мы в горы то идем, или как?

Экспедиция в таинственную подземную комнату молчаливо продвигалась вдоль Рубицы. Бак шел немного впереди, он думал, что для Ады так будет проще, ведь она не знает дороги. Но на самом деле он просто побаивался ее. После того, что она устроила на площади, он не хотел ни говорить, ни тем более смотреть на нее. Аделаида, в свою очередь не возражала и безоговорочно следовала за проводником, думая о чем-то своем, и теребя в руках виселичную петлю.

Не смотря на значительное потепление, спина Бака то и дело покрывалась гусиной кожей. Солнце готовилось к лету и наполнялось силой, его лучи, выглядывая из-за туч, уже не просто ласково грели, а слегка припекали, как бы говоря: «Скоро сезон, юный фермер, а ты тратишь драгоценное время не на подготовку полей, а на черт знает что». Ветер же оставался промозг-

лым и его резкие порывы холодными руками пробирались под одежду, под кожу, и, казалось, впивались в самые кости.

Времени было уже далеко за полдень, тумана над Рубицей не было, но Бак с легкостью узнал место, возле которого нашел Аду. Он часто вспоминал то утро, сидя у постели и разглядывая изящные черты девичьего лица, в ожидании, когда она проснется. Но теперь, проходя мимо зарослей камышей, снова слыша журчание воды и запах тины, он явственно почувствовал, будто день повторяется снова. Будто достаточно лишь немного присмотреться, и можно будет разглядеть белесый силуэт, человеческую фигуру, проплывающую вдоль берега, но на этот раз это будет труп.

– А ты правда ведьма? – спросил Бак, стараясь отвлечь себя от мрачных мыслей. Обращиваться он не стал, чтобы ненароком не встретиться взглядом с пугавшей его девушкой, а потому не увидел, как краешек ее брови приподнялся от удивления.

– Даже если и так, тебе то что? – ответила Аделаида.

– Просто мне кажется, что это вовсе не так.

Она нагнала его, заглянула ему в лицо, и ее губы растянулись в самодовольной улыбке.

– Перестань врать себе, фермерский отпрыск. Я вижу, что ты отводишь глаза, потому, что боишься. Страху то я навидалась немало.

– Боюсь, – подтвердил Бак. – Но не потому, что думаю, будто ты ведьма. Ежели на то пошло, то я вообще не верю в магию.

Это заявление окончательно привлекло внимание девушки, и самодовольная улыбка сменилась задумчивым взглядом.

– А во что же ты тогда веришь?

– Не знаю, – он пожал плечами, – Наверное, ни во что.

– Ну так не бывает. Ты вроде уже не ребенок, должен же ты был хоть раз задуматься о том, как работает мир, который тебя окружает. Откуда по-твоему взялись все эти горы, ручьи, небо с солнцем и облаками?

– Об этом я думал не раз и не два. Долинные верят, что мир вырос из двух Великих Хребтов. Один подпирает небо на юге, а другой – держит землю на севере. Отец много легенд мне рассказывал про те времена, когда не было еще людей, только камни и мох. Но как по мне, то все это какая-то глупость. Горы ничего не способны родить, это просто холодный и мертвый камень.

Нир говорил, что люди большой земли верят в разных богов, могущественных духов, в силах которых повелевать природой. Один за дождь в ответе, другой – за грозу и метель. Но это тоже мало похоже на правду. Был бы мир устроен именно так, то любой фермер остался без дела, зато жрецы бы купались в зерне.

Аделаида рассмеялась и смех ее был искристым и звонким.

– Ты не представляешь, насколько ты близок к правде.

– Но больше всего меня беспокоят божьи люди, – продолжил Бак. – Насколько я знаю, они верят в единого Бога. У него нет ни имени, ни лица, зато он всемогущ и всевластен. Он смотрит на мир, распростершийся у его ног и невидимой рукой судьбы направляет течение жизни этого мира. По-моему, это хорошая вера. В такое я бы поверил, скажи мне кто в детстве, что так все и есть. Но слухи о святой Инвестиции да кострах пугают меня и отталкивают...

– Вот что я тебе скажу, фермерский отпрыск, – прервала его рассуждение Ада. – Никакая я не ведьма и не речной дух. Может быть скорость моих движений и способна натолкнуть на такие мысли, но это не так. Я человек, причем самый человеческий из всех, кто тебе еще повстречается на пути. А на счет веры, то мой ответ прост – в магию верить стоит, а вот в магов – нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Не стоит забивать голову всякой ерундой. Вот, что. Твои односельчане забили и к чему это привело? – она перекинула петлю из одной руки в другую, – От раздумий о вере нет ровным счетом никакого толку. Ты либо веришь, либо нет. Вот те идиоты, что сейчас лежат на деревенской площади, думаешь, сомневались? Не-а, они были убеждены в том, что я злой дух и им не нужны доказательства обратного. Ну получили они по загривку. Подумаешь! Зато теперь из поколения в поколение, из уст в уста в вашей деревне будет передаваться легенда о том, как самые храбрые люди долины речного духа побеждали.

Аделаида на мгновение замолчала, затем повесила виселичную петлю Баку на плечо и продолжила.

– Хорошо это или плохо? Да хрен его знает. Есть ли польза от подобной веры? Ну вреда то уж точно нет. А все остальное не важно. Короче говоря, верь во что хочешь, пока другим это не мешает. Вот моя позиция.

Бак молча кивнул в знак благодарности за житейскую мудрость, хоть пока и не осознал до конца всего ее смысла. Сняв с плеча петлю, он развязал ее и бросил веревку в походную котомку. В горах страховка могла пригодиться. Тем более, что у него теперь есть помощница, которая подсобит ему со спуском под землю.

Завязывая кожаные ремешки котомки Бак мельком посмотрел на Аделаиду. Девушка теперь не плелась сзади, а шла рядом с ним. В ее тонких, изящных чертах лица он больше не видел прежней угрозы. Ада перестала казаться ему опасной и непредсказуемой. Возможно, такое впечатление создавалось из-за грубоватой мужицкой походки, совсем не соответствующей элегантной внешности, осанка была совершенно не женственной, а даже немного военной, да и басовитый голос не совсем вписывался в общую картину. Но сейчас же Бак думал о ней иначе. Завеса загадочности, скрывавшая истинное лицо незнакомки из Рубицы, слегка приоткрылась и за ней оказалась довольно посредственная личность с прямым и, можно даже сказать, простоватым взглядом на жизнь. Разве такое может пугать?

Экспедиция остановилась на ночлег у самой кромки роста деревьев. Бак решил продолжить подъем с утра. Слишком уж он боялся подземной комнаты, и одна только мысль о том, что туда придется спускаться ночью заставляла его сердце сбиваться с ритма.

Аделаида не протестовала и спокойно отреагировала на то, что выплата ее долга откладывается. Более того, она оказалась незаменимым помощником в организации походного лагеря. Видимо, у нее был большой опыт в подобных вопросах. Уйдя в лес всего на пятнадцать минут, она не только нашла отличное место для ночлега, но и набрала внушительную охапку хвороста. Еще позже, увидев, что среди припасенной Баком еды не оказалось мяса, Ада снова молча ушла в лес. На этот раз вместо дров она принесла тушку зайца. Как она умудрилась его поймать, имея при себе лишь сарафан да голые руки, осталось загадкой.

Ночью Баку спалось еще хуже обычного. За те пять дней, которые он провел в заботе об Аделаиде он успел хорошенько понервничать, а потасовка на площади окончательно добила его расшатанные нервы.

Парень стонал и ворочался. Ему виделся все тот же кошмар, что и прежде, только на этот раз он не был размыт и абстрактен. Все будто происходило наяву и от этого ощущения нельзя было скрыться.

Бак сидит на кровати в своей комнате. На душе у него словно кошки скребут. В груди давит и щемит, как у человека, который сделал что-то очень плохое нечаянно, и теперь сожалеет об этом, но не может вернуть все как было. Вдруг, из-за тонкой стенки между спальнями его и родителей доносится КХМ-КХМ, да так громко, что Баку тоже хочется кашлять от этих звуков. Он встает на ватные ноги и выходит в коридор. Колени словно чужие, подгибаются и дрожат.

Дверь в родительскую спальню открыта. Из коридора видно лишь угол широкой двухместной кровати и край простыни, свисающий вниз. Бак делает неуверенный шаг вперед и теперь может разглядеть одеяло, сквозь которое проступают очертания маминых ног.

Ала лежит на спине, откинув голову. Ее молящий взгляд устремлен к потолку. Ее груди тяжело вздымаются, при каждом вдохе, а из горла доносятся душераздирающий хрип и бульканье.

Бак подходит еще ближе и оказывается на расстоянии вытянутой руки от больной матери. Он не хочет притрагиваться к ней, ведь прекрасно знает, что она уже мертва, но все равно тянется, будто телом управляет не он, а кто-то еще, невидимый кукловод, заправляющий ходом сновидения. И как только его непослушные пальцы касаются ее холодной как лед кожи, Ала поворачивает к нему свое изможденное болезнью лицо.

– Это твоя вина, – говорит она. – Это ты должен быть на моем месте.

Мать хватается Бака за руку и с силой притягивает его к себе так близко, что ему становится слышно запах сырой земли, вырывающийся у нее изо рта.

– Ты мог спасти меня! – она повышает голос. – Ты должен был спасти меня!

Ее зеленые глаза широко раскрываются и из-под век начинают выползать черви. Они выпадают на щеки, скатываются в рот, скапливаются в любой ложбинке и выемке тела, будто личинки мух, которые Рак специально выращивал ради хорошей рыбалки. Со временем поток червей не иссякает, а только усиливается. Они начинают заползать Баку на кожу, под одежду. Он хочет уйти, пытается вырваться, но хватка матери подобна железным оковам.

Ала неживым, стеклянным взглядом наблюдает за лесным пожаром ужаса, разгорающимся в сознании сына, будто желая напугать его до смерти и утащить с собой в темноту. Она начинает кашлять все громче и громче, попутно извергая новые порции белых червей и личинок.

– Должен быть ты, – говорит она между приступами удушающего кашля, – КХМ-КХМ! Должен...

Ее тело начинает погружаться в постель словно та сделана не из дерева и соломы с пухом, а из самой настоящей грязи. Одеяло и простынь оборачиваются вокруг Алы подобно погребальному савану. Постепенно она исчезает в водовороте из постельного белья, размыкая наконец пальцы и отпуская сына. Последним скрывается в пучине кровати ее скрюченная предсмертной агонией ладонь.

Бак, уже не обращая внимания на червей, ползающих по нему, вздыхает с облегчением, потому, что все самое страшное уже позади, но вдруг в его голове раздается невероятно громкое КХМ-КХМ, затмевающее собой все другие мысли, и он просыпается.

Солнце еще не взошло, но над горами уже назревают зачатки рассвета. В лесу не слышно ни единого звука, кроме потрескивания тлеющих углей в кострище походного лагеря. Это то самое время, когда ночная природа уже отошла ко сну, а дневная еще не успела протереть глаза.

Бак, недовольный тем, что кошмар разбудил его раньше, чем следует, зевнул и перевернулся на другой бок, лицом к потухшему, но еще теплomu костру. Спальное место Аделаиды было как раз напротив и ему было хорошо видно ее умиротворенное лицо.

«Она еще прекраснее, когда спит» – подумал Бак.

– Ты громко кашляешь во сне, – вслух сказала Ада и отвернулась.

Нелегкая работа

Быть священным воином работенка не из легких. Это даже не работа, хоть за нее и платят, а скорее долг. Тяжелый, грязный и, что самое печальное, кровавый груз, который человек водружает на свои плечи сам, по собственной воле провозглашая себя оружием в руке великого Создателя. И совершенно не важно, насколько жестокими будут удары, оружие не имеет права оспаривать выбор цели. Оно должно бить ровно туда, куда следует, и бить наверняка, ведь никогда не знаешь, к чему может привести твой промах.

Телан занес свой клинок, и замер в нерешительности. Казни детей ему всегда давались с особой тяжестью. Людей убивать сложно, но к этому рано или поздно привыкаешь. Первая казнь въедается в память горящим клеймом, которое временами будет ныть до самой старости. Вторая – уже не так впечатляет, она тоже оставляет свой след, но уже не настолько яркий и болезненный. Третья – и ты уже свыкся со своим уделом, рубишь не задумываясь, ведь от многих дум многие печали. Но с детьми все иначе. Сколько бы юных заплаканных лиц ты не превратил в серые посмертные маски, они все равно ранят сердце и калечат душу.

– Почему ты мешкаешь? – спросил Отец. – Ты боишься?

Несмотря на важность своей фигуры, он всегда отвлекался от даже самых неотложных дел, чтобы лично присутствовать на казни неверного. Это было своего рода традицией, которую правая рука Чтеца не нарушал никогда.

Телан вздрогнул и опустил клинок. Для обычного воина само обращение Отца было великой честью, а обвинение в трусости – великим позором.

– Я не ведаю страха, Отец, – преисполнившись гордости ответил он, – ибо в сердце моем сияет пламенный лик Создателя.

– Тогда сделай что должно.

Телан кивнул и снова занес меч над тонкой шеей неверного. Мальчишка не обернулся. По правде сказать, он даже не плакал и это пугало больше всего. В неверном оказалось мужества больше чем в войне света, в том, кто по замыслу Его призван неустанно искоренять любые проявления ведьмовства и магии. А может он вовсе и не неверный? Что, если десница самого Создателя прикоснулась к юнцу и даровала ему спокойствие? Что, если он узрел лучезарные своды небесного мира, в который ему суждено попасть, став жертвой заблудшего рыцаря?

На мгновение рука Телана дрогнула, а затем совершила уже привычное движение и детская голова с гулким стуком упала в дорожную пыль.

– Я вижу в тебе сомнение, – Отец положил свою массивную ладонь на плечо священного воина. – Такого чувства не должно знать клинку Создателя.

– Прошу прощения, мой господин, – Телан робко повернулся и преклонил колено.

– Не надо, извинений, – он помог рыцарю встать. – В этом походе мы с тобой, Телан, стоим плечом к плечу. Мы едины в своем стремлении отбросить силы тьмы туда, откуда они осмелились вылезти. А потому не гоже тебе, сын мой, робеть перед иллюзорной волей язычников, и уж тем более преклонять колено перед равным.

Слова Отца поразили Телана. Он всегда считал, что старшие чины святого похода только и делают, что пьют, да командуют, а в их чрезмерном высокомерии не было вообще никаких сомнений, но глава кампании оказался совсем иным. Он не срамился выходить в люди без отряда охраны, не гнушался говорить с обычными вояками как с равными, и чудным образом безошибочно определял среди черни язычников с неверными. Некоторые поговаривали, будто Создатель наделил своего лучшего воина даром читать чужие мысли, но Телану всегда виделось, что подобные способности – верный признак грязной магии, а сплетни за спиной Отца – ересь.

– Теперь скажи мне, – глава кампании сурово взглянул в глаза священному воину, – почему ты колебался?

– Мне показалось... – Телан боролся со жгучим желанием отвернуться. – Мне показалось будто мальчуган молится.

– Молится? – в голосе Отца промелькнула едва заметная нотка удивления.

– Да, Отец. Когда я замахнулся, я услышал, что он что-то шепчет себе под нос, а прислушавшись понял, что он просит Создателя о милости.

– Хм... И ты уверен в том, что слышал?

– Я знаю, что это вы нашли неверного, – начал оправдываться Телан, – и что в этом деле вам нету равных, но слова, которые малец говорил перед смертью были очень похожи на мольбы. Вот я и подумал, что благодать Создателя снизошла на него в самый последний момент и он склонил колени не перед моим мечом, а перед всем нашим орденом, и что убей я его не раздумывая, меня постигнет кара небесная, а клинки моих друзей обернутся против меня.

Отец вздохнул и окинул тяжелым взглядом обезглавленное детское тело.

– Вот что, Телан. Кто как не ты должен знать, что основа нашего ордена – это вера, непоколебимая убежденность в том, что все сущее лежит в руках Создателя. Он своей великой волей поддерживает наш мир, а мы, в свою очередь, должны поддерживать его творение в чистоте. И кому как не тебе знать, что Отец и его приближенные наделены особой властью, данной самим Создателем, в помощь нашему правому делу.

Телан ничего не ответил, а только кивнул.

– Тогда не сомневайся больше в моем выборе, и не медли с выполнением долга, сын мой, ибо тем самым ты выражаешь недоверие не мне, а всему ордену и самому Создателю, что есть грех гораздо больший нежели убийство собрата. Ты понял меня?

– Понял, – отрезал по-солдатски Телан.

Отец одобрительно улыбнулся и, оглядев польхавшие вокруг аккуратные деревенские дома, зашагал вдоль по улице, к отряду стоявших неподалеку разведчиков, оставив своего воина в одиночестве переваривать только что услышанную импровизированную проповедь.

– Ну и дыра... – Ада прищурившись всматривалась в черноту. – И ты ее спиной пробил?
– Ага, – Бак ткнул пальцем на уступ, локтях в десяти над их головами. – Вон оттуда свалился. Пока летел, думал помру, но нет. Прямо под землей крыша оказалась трухлявая и я ее прошиб насквозь.

– И что теперь? Мне залезть внутрь и все осмотреть?

– Не знаю, – сын фермера задумался. Свой поход он планировал уже давно и главной его целью была борьба с собственным страхом. Попытка заглянуть ему в глаза и снова обрести власть над самим собой. Бак надеялся, что, справившись с боязнью подземной комнаты он сможет и с опостылевшими кошмарами совладать, но Рубица оказала медвежью услугу и спутала все карты. – Вообще-то я должен был один сюда лезть, но раз уж ты здесь...

– Так мне лезть или нет? – Ада еще раз заглянула в дыру. – Если что, там внутри никого нет и в принципе ты сам мог бы справиться, а я бы на стреме постояла.

– На стреме? – переспросил Бак.

– Ну да. Вещи посторожу, свистну, если кто посторонний придет, об опасности предупрежу. На стреме.

– Мне казалось, ты хотела побыстрее долг отдать и уйти.

– Ну ты все так загадочно описал, будто это подземелье какое таинственное со стражей и всем таким, а тут просто дырка в земле и нет никого. Скукота одна. Да и если уж быть откоро-

венной, дырки в земле это не мое. Я одно время в похожей месяца три просидела, и после этого у меня с ними как-то не ладится.

– Зачем ты в дыре сидела?

– Посадили... Так лезть или нет?

Баку тон девушки показался раздраженным, и он решил, что не станет ее ни к чему принуждать, а пойдет сам, как и планировал с самого начала. Возможно, не отдав долг, Ада не захочет уходить еще долго. Возможно она даже поселится по соседству и будет долгие годы досажать ему извечными вопросами о том, не надо ли чего выполнить опасного, достойного спасения жизни, но ему сейчас это было совсем не интересно. Он всецело был поглощен происходившей в голове внутренней борьбой. Любопытство юнца, не выдавшего ничего кроме отцовских полей да сарая, вступило в схватку с ужасом, первобытным и животным, живущем в каждом человеке испокон веков, страхом неизведанного и таинственного.

– Там точно никого? – после недолгих раздумий переспросил Бак. Сам для себя он уже решил, что пойдет один. Просто хотел еще немного потянуть время.

– Точно, – ответила Ада.

– А почему ты знаешь?

– Слышу хорошо.

– Ладно... Ладно, тогда ты оставайся на стреме, а я полез. Если что – кричи.

– Договорились.

– Хотя нет, – он продолжал тянуть, – лучше не кричи. И без тебя страшно. Лучше подай знак или еще чего.

– Договорились, – повторила Ада на выдохе, всем своим видом давая понять, что этот бессмысленный разговор уже пора заканчивать.

Бак достал из походной котомки огниво и несколько заранее заготовленных промасленных кусков ткани. Намотав их на палку, он соорудил факел и подошел к краю дыры в земле.

– Подашь мне, как спущусь.

Он отдал факел девушке, а сам полез вниз. Хватаясь за расщепленные края изъеденных жуками досок, Бак тяжело дышал и пыхтел. В этот момент у него в голове возникла забавная мысль, что падать со скалы было хоть и больно, но в разы легче и быстрее, чем спускаться аккуратно. Еще он задумался над тем, что всего полгода назад он спокойно гулял на такой высоте и особенно не страдал отдышкой, а сейчас же его грудь только и делала, что гоняла воздух. Но этой мысли не суждено было развиться в понимание, потому, как ноги Бака стали на мягкую поверхность чудесной кровати, и он наконец осознал, что снова оказался там, куда мечтал попасть долгие недели.

С прошлого визита подземная комната ничуть не изменилась. Все те же идеально ровные стены, все та же кровать, на которой даже ушибленная спина меньше болит. Тумбочка у кровати стоит на том самом месте и все те же серые точки пыли кружат в лучах солнца, проникающего через дыру в потолке.

– Не зевай! – Аделаида сбросила вниз факел и Бак, не успев среагировать, получил им по голове.

– Ай! Ты чего?

– Не зевай, говорю. И долго там не сиди. Сегодня ночью будет холодно.

Бак хотел огрызнуться, мол ему уже хочется вылезти обратно, но не стал. Вместо этого он извлек из кармана огниво и зажег факел.

В мягком желто-красном свете комната казалась уютной и обжитой. Несмотря на скудность интерьера, она располагала к себе и вполне могла сойти за новую, если бы не слой пыли на полу и тумбочке.

Осторожно ступая по странному, бесцветному ковру, которого из-за волнения он в первый раз не заметил, Бак обошел кровать и остановился возле закрытой двери.

Сама по себе, подземная комната мало интересовала юного исследователя. Кроме загадки того, как она оказалась под землей, в ней больше не было ничего примечательного. Возможно на этом месте в стародавние времена обитали люди, какой-то горный народ. Они шили странные ковры, знали толк в матрасах, а по вечерам развлекались изготовлением полированных металлических брусков. Затем этот народ по неведомой причине исчез, оставив за собой брошенные дома. Эти дома под грузом веков рушились, оседали и попадали под оползни, консервируясь на долгие столетия в естественных могилах.

Баку было абсолютно плевать на то, как дом оказался под землей. Ему было плевать и на тех, кто этот дом построил и на причину, по которой они его бросили. Единственное, что волновало фермерского отпрыска – это странное чувство в груди, непонятный страх перед тем, что может скрываться за запертой дверью. Разум подсказывал, даже кричал, что там ничего нет. Он твердил, что там всего лишь еще одна подобная комната, а еще более вероятно – обычный завал. Но телу не было дела до аргументов, оно чувствовало неладное и от этого чувства волосы на затылке шевелились не переставая.

– Ну вот я и пришел, – прошептал себе под нос Бак, обращаясь к запертой двери.

– Это ты мне? – донесся из дыры в потолке голос Ады.

Нервное напряжение и неожиданность вопроса заставили парня вздрогнуть.

– Нет, – быстро взяв себя в руки ответил Бак, а про себя подумал, что Аделаида не врала, говоря про свой слух. И это хорошо, ведь теперь ему стало немного спокойней, ведь раз она сказала, что здесь никого кроме них нет, значит так оно и есть.

В последний раз прислушавшись к своим чувствам, оценив все за и против, Бак наконец решился. Он стиснул зубы, зажмурился и дернул ручку двери на себя. Что-то громко хрустнуло. Только спустя несколько секунд Бак осознал, что все еще сжимает дверную ручку в ладони, хотя дверь так и не открылась. От старости древесина разохлась и раскрошилась, перестав держать в себе металл.

«А вот и первое препятствие на пути к истине, – подумал Бак. – И оно меня не остановит.»

Понимая, что трухлявое дерево только и ждет того, чтобы его толкнули, парень, не особо напрягаясь, ударил ногой прямо в центр двери. Она буквально рассыпалась на куски и вывалилась в коридор, от которого отгораживала комнату. Вековую тишину подземного дома нарушил грохот обсыпавшихся щепок и противный скрип петель, на которых остались небольшие огрызки – напоминания о том, что здесь когда-то была дверь.

Шагнув в коридор, Бак тут же ощутил неприятный запах затхлости и, почему-то, смерти. Скорее всего так пахла сырая земля, из которой состоял завал, перегородивший путь дальше. Крыша под натиском грунта проломилась и, судя по сгнившим краям серого однотонного ковра, это произошло очень давно.

Выставив факел перед собой, Бак осмотрелся. Завал был сильным и дальше пройти никак не позволял, зато слева обнаружили перила, а это значило, что у подземного дома было как минимум два этажа и шанс на то, что желанная тайна сокрыта именно там.

Уже собравшись перемахнуть через перила Бак вдруг остановился. Осторожность была не его сильной стороной, иначе бы он в первую очередь не оказался здесь, а во вторую не полез за «трупом» в воду, но на этот раз ее голос был настолько громким, что не прислушаться к нему было бы просто глупо. Вспомнив про то, с какой легкостью рассыпалась дверь комнаты, Бак слегка потянул перила на себя, и они просто упали на пол, будто ничем и не были закреплены.

«Вот так да, – пронеслось у него в голове. – Сейчас бы я вверх тормашками рухнул на лестницу и шею себе свернул. Бесславная смерть глупого фермерского сына. Аде бы долго пришлось моему отцу объяснять, как меня угораздило. Хотя, пожалуй, она бы просто молча исчезла, а меня долинные еще пару дней, а может и целную неделю по лесу аукали и сдались бы. Забрал, таки, речной дух свою жертву на дно, да и дело с концом.»

Не надеясь на прочность ступеней, Бак аккуратно потрогал их ногами. Под его весом они натужно скрипнули, но выдержали нагрузку.

Аделаида безостановочно вышагивала вокруг ямы. Она нервничала и для этого были все основания. По непонятной причине ее чутье било тревогу, да такую, что прислушайся сейчас кто посторонний к ее голове, то непременно бы расслышал колокольный звон. Такое с Адой бывало редко, ведь обычно к подобным тревожным предчувствиям прилагался и внешний раздражитель, например, запах врага или шорох шагов. Но сейчас никакой видимой причины для столь резкой паники не было, и это пугало больше всего. Ведь точно не скажешь, откуда ждать неприятностей, а их точно следует ждать. Чутье никогда не врет.

Спустившись по ступеням, о возрасте которых можно было только догадываться, Бак оказался на первом этаже подземного дома. Он представлял собой большую комнату, служившую когда-то по всей видимости гостиной, либо обеденным залом. Часть комнаты была отгорожена высокой и длинной тумбой, доходившей Баку до пояса, о назначении которой он не имел ни малейшего понятия. А по центру, возле небольшого столика, чья столешница была сделана из цельного куска прозрачного толстого стекла, стояло нечто, похожее на очень широкое мягкое кресло, в котором могли спокойно разместиться три человека сразу.

В помещении было множество предметов, удивлявших своими формами. Они заставляли мысли Бака сбиваться и перескакивать друг через друга, в попытке понять смысл всего происходящего. Тени плясали по стенам, танцевали, приводимые в движение языками пламени, медленно пожиравшего промасленные лоскуты ткани, и от этого ощущение таинственности только усиливалось.

Бак с разинутым ртом разглядывал открывшуюся ему одному тайну, загадку над которой он раздумывал бессонными ночами. Подземная комната оказалась целым домом, жилищем, давно брошенным своими хозяевами, дряхлым и рассыпающимся от каждого неосторожного движения. И все в этом жилище было совершенно чуждым современному уму. Многие вещи были похожи на то, чем сейчас пользуются жители долины в быту, но и многие вовсе не имели никакого смысла. Например, массивный черный прямоугольник висевший на стене, прямо напротив очень широкого кресла. Очевидно, что этот предмет был важен для древних людей, раз они его разместили на таком видном месте. Но в чем заключалась эта важность – было совершенно не ясно.

Бродя вдоль черной дыры, Ада не могла решить, то ли лезть внутрь, то ли остаться наверху. С одной стороны, если она сейчас отправится вытаскивать фермерского отпрыска, то может пропустить нападение откуда-то с гор или из лесу. С другой – останься она здесь, то есть шанс, что она ошиблась и тогда пареньку там внизу придется несладко.

Понимание пришло резко и было настолько отчетливым, насколько это только возможно. Аморфное и неуловимое ощущение опасности обрело форму, а вместе с этим определило все дальнейшие действия. Аделаида ясно как день ощутила всем своим нутром удивительно сильную магическую вибрацию, исходившую из-под земли. Более не задумываясь, девушка доверилась своим, выработанным многолетними тренировками, рефлексам, и ловко прыгнула в дыру.

Бак приблизился к черному прямоугольнику, висевшему на стене. Поднеся факел поближе, он всматривался в матовую поверхность загадочной вещицы. Она ему напоминала о чем-то, но он никак не мог сообразить, о чем. Вернее, он не мог поймать нужное слово. Оно так и вертелось на языке, но удержать его не удавалось. Отчаявшись вспомнить, Бак уже собрался отвернуться, но вдруг его осенило, и он вытащил из кармана рубахи черный, отполированный до зеркального блеска металлический брусок.

– Возможно ты какой-то ключ? – он поднес его поближе к черному прямоугольнику.

Ничего не произошло. Вернее, ничего видимого. Но обстановка в гостиной кардинально поменялась. Мертвый, пропитавшийся тленом и пылью, воздух вдруг наполнился напряжением. Временами Бак чувствовал подобное, когда над долиной сталкивались хмурые грозовые

тучи и начинали метать друг в друга молнии. Ощущение было почти один в один за маленьким исключением: в общую картину еще примешался тяжелый взгляд в спину.

Бак резко развернулся на месте. Он инстинктивно выставил вперед факел, а металлический брусок прижал к груди, как мать прижимает ребенка при виде дикого зверя. Но подземная гостиная по-прежнему была пуста.

Или нет?

Сперва, не разглядев в темноте ничего необычного (кроме самого здания в целом), Бак стал успокаиваться, но спустя мгновение его сердце снова заколотилось вольнолюбивой птицей, запертой в клетке.

Растревоженные пылинки, парившие крупными хлопьями в воздухе, как по волшебству начали двигаться совершенно непривычным образом. Поначалу это движение сложно было заметить, но шли секунды и его уже нельзя было списать на причудливую игру теней или сквозняк. Пылинки, до того, казалось, зависшие на одном месте, теперь будто притягивались друг к другу, и чему-то еще. К чему-то невидимому в центре комнаты. Они вращались друг вокруг друга и вокруг некоего общего центра. В этот водоворот втягивало все больше и больше пыли, и он начал приобретать очертания. Сперва они были расплывчаты, неясны, но чем больше Бак всматривался в них, тем больше они напоминали ему человеческий силуэт. Словно на этом месте раньше кто-то стоял, а затем вдруг исчез настолько резко, что воздух теперь стремился заполнить образовавшуюся пустоту.

Тем временем, пыльный призрак становился все плотнее и плотнее. У него даже появилась тень. Хоть и полупрозрачная, слабая, но все же тень. Она, как и само тело, подрагивала в лучах факела, трепетала от любого даже самого слабого сквозняка.

Бак с открытым от удивления ртом наблюдал за тем, как, по его мнению, рождался пыльный дух. Парень не знал, бывают ли такие вообще, но это было совсем не важно. Так же, как и остальные жители долины, в момент столкновения с неизвестным он предпочел не вдаваться в подробности, не пытаться выяснить что к чему. Его простой ум сразу обратился к мифам да легендам в которых было место любой, даже самой необычной твари. На этот раз ею оказался пыльный дух, и он продолжал обретать форму.

В какой-то момент пыли стало так много, что внутренние весы Бака потеряли свою устойчивость. Чаша на которой стоял страх громко стукнулась об пол, а другая, та что с любопытством, взлетела до потолка. Это значило только одно – пора бежать. Но бежать Бак не мог. Даже более того, он не мог дышать. И ни о каком «перехватило от зрелища дух» речи быть не могло. Просто вдруг пришло чувство, будто стенки горла склеились вместе. Грудь парня содрогалась в конвульсиях, но все было тщетно.

Выронив факел, Бак схватился за шею и беспомощно сполз на пол. Он был не в силах идти, он не мог кричать, а перед глазами плыли круги. Сердце от страха билось с такой частотой, на которую, казалось, было попросту неспособно. Огонь от промасленных тряпок перекинулся на однотонный ковер. И ко всему в придачу, дух из пыли стал приближаться.

Он плыл по воздуху не касаясь пола. Он обогнул странное кресло и пролетел мимо столика из толстого листа стекла. Он навис над угасающим юнцом, который, забыв про всю осторожность, осмелился проникнуть в его подземные чертоги, нарушить невидимую границу его владений. Он протянул свои серые руки к задыхавшемуся паренюку и между трепетавшими в воздухе пылинками мелькнули искры, миниатюрных молний.

Ужас затмил разум Бака и тот угас, словно маленькая свечка под порывом ураганного ветра.

Телана мучила совесть – серьезное дело для священного рыцаря. Подобные муки приходят к человеку прежде всего от него самого, от сомнений, закравшихся в душу, а сомнения –

это то, чего священный рыцарь должен остерегаться больше всего. Они туманят взор и сбивают с праведного пути. Именно так говорил Чтец, отправляя своих славных клинков в битву с вселенской тьмой.

Короткая проповедь Отца смогла лишь слегка поднять дух, но все же она не отвечала на те вопросы, которые роились в голове Телана. Он не знал, зачем соврал о том, что слышал будто казненный мальчишка молился Создателю. Вернее, знал, но не хотел признаваться самому себе, а заодно и главе великого похода, в том, что вера покинула его, что сердце, обливавшееся кровью обезглавленного мальчугана, было больше не в силах слепо принимать те слова, которые говорил Создатель губами своих пророков.

Велидан, дождавшись, когда Отец отойдет подальше, звонко бряцая доспехами, подбежал к своему товарищу и схватив его за плечи, хорошенько встряхнул.

– О чем был разговор? – спросил он и горящими глазами уставился на Телана. – Ну? Не томи!

– Да так, ни о чем...

– Врешь, негодяй! – Велидан был храбрым воином. Бок о бок с Теланом он прошел через жернова не меньше десятка боев, и теперь мог читать его как открытую книгу. – Он тебе речь толкнул, ведь так? Я же видел, как долго вы беседовали. Так долго «ни о чем» не говорят, брат мой. Желая знать в мельчайших подробностях суть вашей беседы.

Телан покосился на Отца, который о чем-то возбужденно перекрикивался с отрядом разведчиков, и вспомнил те времена, когда сам при виде него благоговел. Этот высокий и широкоплечий воин был способен одним лишь своим видом нагнать страху на большинство мужчин. Его отполированные до зеркального блеска доспехи были покрыты бесчисленными царапинами и зарубками, шрамами прошедших сражений, а на личном флаге уже не осталось места для записи новых подвигов. Но сейчас, когда небо затянуто тучами, а из полыхающих вокруг домов доносятся крики горящих заживо женщин и детей, эти доспехи совсем не сияют божественным светом. Нет. Они похожи на изуродованную шкуру дикого зверя, готового перегрызть глотку каждому, кто осмелится встать у него на пути. На пути к величию и славе.

– Не твоего ума дело, – наконец ответил Телан и побрел к обозу с конфискатом. Последнее, что ему сейчас хотелось, это пересказывать по восемь раз пустую болтовню восхищенному глупцу.

– Что?! – не ожидав таких грубых слов, Велидан даже слегка попятился, – Ты чего, Телан? Мы ведь с тобой братья, разве нет?

Он нагнал боевого товарища и попытался одернуть его, остановить, но тот лишь отмахнулся и продолжил шагать.

– Негоже так с братьями разговаривать. Создатель за такое может и кару наслать.

– Так что ж тогда не нашлет? – Телан остановился как вкопанный и воздал руки к небу, – Чего он медлит? А?!

– Тише! – Велидан испуганно огляделся по сторонам, не услышал ли кто этот оскорбительный выкрик. – Не горячись. Тут слишком много ушей. Давай отойдем, и ты мне расскажешь, что за муха тебя укусила.

Телан секунду-другую сомневался, стоит ли ему вообще сегодня раскрывать рот, ведь такие громкие и резкие изречения в адрес самого Создателя уж точно до добра не доведут, но решил все же пойти. Возможно, выговорившись он почувствует облегчение, или даже вернет свой разгоряченный ум в старое русло.

Два рыцаря сошли с деревенской грунтовой дороги и спрятались за догорающим домом местного купца, неподалеку от сарая с обрушившейся крышей.

– Ну и что это такое только что было? – начал возмущенно Велидан, когда убедился, что за ними никто не наблюдает. – Услышь кто из верхов твои речи, сам знаешь, что было бы дальше.

– Ты не понимаешь, брат, я просто...

– А вот совсем и не просто. Телан, то, что ты говорил – это ересь чистой воды. По хорошему мне стоило бы доложить кому следует, и будь ты кем-то мне незнакомым, поверь, я бы сделал это даже не задумываясь.

– В этом и беда, что мы мало задумываемся.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, брат... – Телан нахмурился. Его голова, казалось, кипела от множества мыслей. Они были настолько просты, что его удивляло, почему он не дошел до этого раньше. – Я больше не уверен в том, что вижу и слышу.

– Тебя что, ударили по голове? – беспокоивно предположил Велидан. – Если так, то я могу сбегать за лекарем.

– Нет. Я хочу сказать, что меня изъедают сомнения. Понимаешь? – Телан заглянул в глаза своего боевого товарища, но увидел в них только замешательство. – Сегодня я спросил сам себя: А что, если наше дело вовсе не правое? Что, если мы и есть то самое зло, о котором твердят пророки?

– О Создатель! Да что ты такое несешь? Я просто не могу поверить, что слышу подобную ересь от тебя, Телан.

– Нет, ты только задумайся на секунду. Откуда нам знать, что люди, которых мы сжигаем – исчадия зла? Откуда мне, Велидан, знать, что, убивая ребенка по указу Отца я очищаю его душу от скверны?

– Это ужасные вопросы, и я не понимаю, как твой язык поворачивается их произносить. Ты же сам прекрасно знаешь, что долг священного воина Создателя – очищать Его творение от магической погани. И что только те, кто принимает свет Его в душу свою достойны ходить по земле и смотреть на солнце.

– Хорошо, – терпение Телана медленно подходило к концу. – Спрошу конкретно. Всего десять минут назад, там у обочины, я поставил маленького мальчика на колени и этим самым мечом, – он достал оружие из ножен, – отрубил ему голову. Зачем я это сделал?

– Как зачем? – удивлению и замешательству Велидана не было предела. – Такова воля Отца. Его перст указал на мальчонку, а значит его должно казнить.

– Но за что?

– Перст Отца безошибочно указывает на еретиков и язычников, питающих своими черными душами магию, коей не место в нашем мире, – продекламировал он.

– Это лишь пустые слова, брат. Кто проверял правильность Отцовских приговоров? Знаешь ли ты таких людей? Каждый, кто слышал эту басню передает ее дальше, но где она зародилась?

– Отец не может ошибиться, ибо он есть пророк Создателя, направляющего его перста.

– Ты что, сам не понимаешь, как глупо это звучит? – видя упертость и твердолобость своего друга, Телан распался все больше. – Отец – такой же человек, как и мы с тобой. Он сделан из той-же плоти и крови, а значит ничто не мешает ему врать нам.

– Извини, но я больше не в силах слушать твою хулу. Хотя ты мне и друг, но это переходит всякие рамки, – тон Велидана стал строгим и официальным. – Я беру тебя, Телан Анрийский, под арест по обвинению в ереси. Командование решит, что с тобой делать.

Он положил закованную в латную рукавицу руку своему бывшему другу на плечо и хотел было приказать ему сдать оружие, но не успел. Тот самый меч, который Велидан собирался конфисковать, вонзился ему прямо подмышку. Лезвие проскользнуло между пластинами брони, с легкостью прорезало стеганую рубаху и резким рывком вошло в тело.

Успев издать лишь хриплый, булькающий стон, священный рыцарь сполз на землю и его глаза закатились.

Так плохо Баку еще никогда не было. Казалось, все его тело свело одной общей судорогой, боль от которой могла свести с ума. И это было только началом. Пока сознание парня постепенно возвращалось из небытия, оно, порцию за порцией получало информацию о тех изменениях, что произошли с телом во время его отсутствия.

Горло саднило и жгло от не прекращавшегося кашля. Кожа на пальцах рук и лице настойчиво ныла. Ноги ощущались с трудом, а жажда была такой сильной, что Бак боялся поднять веки. Ему думалось, что раскрой он глаза, их, словно песок, тут же выдует ветром.

– Ада, – прохрипел парень между приступами кашля. – Аделаида, помоги.

Ответом были только пение птиц где-то вдалеке и шорох листьев на ветру.

«Ветер, – подумал Бак. – Ветер это хорошо. Значит я уже не под землей. Значит она все-таки спасла меня, вытащила из того кошмара.»

– Ада, – снова позвал он, в надежде услышать ее грубоватый и слишком низкий для девушки голос. И опять ничего.

«Не могла же она меня спасти, а после бросить одного в лесу. Или могла?»

Баку в голову пришла пугающая мысль. Он понял, что доверил свою жизнь человеку, которого совершенно не знал. Хоть она и была красива собой, это не отменяло того, что под утонченной внешностью скрывались полная неясность и туман. Кто эта Аделаида? Как она оказалась в Рубице и зачем ее пытались убить? Почему она так просто согласилась лезть в горы и помогать ему, такому же незнакомцу? Неужели для нее настолько важна выплата долга?

Вопросы один за другим приходили и толпились, толкались, мешая ясно думать. А боль в горле и лице только ухудшали дело.

«Нет, я больше так не могу. Мне нужно сконцентрироваться на чем-то, отвлечься, иначе я попросту сойду с ума.»

Бак попытался открыть глаза, но ничего не вышло. Вернее, вышло, но не совсем так, как это обычно происходило. Что-то в привычной цепочке действий нарушилось и результатом оказалось полное отсутствие результата. Веки поднялись с большим трудом, скорее даже разлиплись. По крайней мере такое было ощущение. А дальше ничего, все та же старая добрая темнота.

– Что за?.. – Бак повертел головой из стороны в сторону. – Почему так темно?

– Да тихо ты, – вдруг он услышал голос Ады где-то совсем близко. – Не шевелись. Тебе сейчас нужно полежать.

Он почувствовал, как ее рука скользнула ему под затылок и слегка приподняла голову.

– На вот, должно стать немного легче.

К губам Бака прикоснулось нечто мягкое и мокрое. По запаху он сразу понял, что это мох, пропитанный водой, и тут же припал к нему, жадно высасывая живительную влагу.

– Не спеши. У меня еще много есть.

Парень высосал три порции воды прежде чем снова заговорил.

– Я не понимаю, Ада, – сказал он с ощутимым облегчением, ведь измученному кашлем горлу стало гораздо легче. – что произошло? Я помню, как стоял там, под землей и разглядывал странную картину на стене. Она была целиком черной, испорченной, но все же висела на видном месте возле домашнего очага. А дальше все как в тумане.

Он попробовал встать, но почувствовал, как девичья ладонь легла ему на грудь и остановила его.

– Куда это ты собрался?

– Просто хочу сесть. Почему вокруг так темно? Я ничего не вижу. Мы все еще под землей?

– Нет, не под землей. Я вытащила тебя так быстро как смогла, но было уже слишком поздно. Мне стоило слушать лучше...

– Поздно? – Бак хотел нахмуриться, но брови будто окаменели. – Поздно для чего?

– Твое лицо и руки сильно обгорели. Глазам досталось больше всего. Когда я спустилась вниз, ты лежал на полу и не дышал. Если бы я только...

– Не дышал? – он вдруг встрепенулся и, не смотря на сопротивляющуюся ладонь у себя на груди, сел. – Я вспомнил! Я все вспомнил. Я видел пыльного духа.

– Пыльного духа? – переспросила Ада.

– Да. Он был похож на призрак человека из пылинок. Как только я его увидел, у меня тут же перехватило дыхание, в голове закружилось, и я упал. Мне нужно снова вернуться туда. Мне нужно узнать, что он такое.

– А вот и нет. По-моему, ты не совсем понял, что случилось. У тебя глаз нет, пацан. Ты ослеп. Усек? Никаких больше прогулок по горам. Все, что тебе сейчас положено – это хороший отдых, еда и вода.

– Нет, это ты не понимаешь. Мое место там, в подземной комнате. Дух явился мне по собственной воле и хотел что-то сказать. Он тянул ко мне руки, но тело подвело меня. На этот раз я точно справлюсь. Вот увидишь! Только отведи меня туда снова.

Аделаида не знала, что ответить. Ее поразило, с какой легкостью паренек воспринял новость о своей слепоте.

– Да-а, – протянула она, – Башкой ты будь здоров двинулся, это точно. Не знаю, за что ты себя так мучишь, и знать не хочу. Твои ожоги имеют магическую природу. Про пыльных духов я не слыхала, но похожие раны видала, и ничего хорошего они не сулят. Могу сказать только одно: то, что живет там в горе – древнее этой самой горы, и лицом к лицу с подобным, да еще и в одном сарафане я сходится не буду.

– Значит в первый раз ты не полезла потому, что тебе показалось это скучной затеей, – Бак не знал, как подступить к девушке, а потому решил начать с взятия на слабо. – Теперь же ты говоришь, что сарафана тебе недостаточно. Мне начинает казаться, Аделаида, что ты не держишь своего слова. А еще мне кажется, что у слепого фермерского отпрыска больше смелости чем у тебя. Только и способна с деревенскими мужиками драться, а как до дела дойдет, так сразу даешь на попятную.

И к его удивлению это сработало.

– Мелкий манипулирующий засранец, – Ада замолчала. Пауза была настолько долгой, что Баку на мгновение показалось, будто девушка вовсе ушла, но тут она продолжила. – Сколько живу, но такого наглеца как ты еще не видала. Ладно, завтра полезем в твою дурацкую дыру, но знай, если я там сдохну – тебе не поздоровится.

Остаток дня Бак лежал и вслушивался в окружавшие его звуки, а мысли его витали где-то далеко. Он раз за разом прокручивал в голове события, произошедшие в подземной комнате, пытаясь восстановить и закрепить образ пыльного духа. Перед мысленным взором его представляли серые полупрозрачные руки, тянущиеся к нему, и каждый раз он все больше утверждался в мысли о том, что это не хищный выпад, а скорее мольба. Только о чем может просить существо старше Великих Хребтов? Что может предложить ему обычный деревенский паренек?

Вдруг Бака осенило. Перед его невидящими глазами ясно как день повис металлический брусок, отполированный настолько хорошо, что его можно спутать с маленьким зеркальцем. Ну конечно же! Духу просто нужна была странная вещица, которую он прихватил в первый раз с прикроватной тумбочки на память. Теперь оставалось понять, где сейчас находится этот брусок.

– Ада, – позвал Бак и сквозь потрескивание костра сразу же услышал, как где-то справа зашуршала ткань маминого сарафана.

– Чего тебе? – с ноткой недовольства спросила Аделаида явно что-то жуя.

– А ты случайно не видала такой маленькой металлической штучки, блестящей?

– Конечно видела, – быстро сообразив, о чем спрашивают, ответила девушка. – Она у тебя в руке, дурень. Ты ее так сжал сильно, что пальцы сплавились вместе и теперь ее хрен выковыряешь. А ты что, не чувствуешь?

Бак и в правду ничего не чувствовал в руке ниже локтя. Решив удостовериться, он прикоснулся едва шевелящимися пальцами левой руки к своему правому кулаку и охнул. Конечность на ощупь была похожа на твердую корку еще теплого яблочного пирога, который частенько готовила его мама. Пальцы склеились в одну большую, бугристую клешню, сомкнувшуюся вокруг прохладного бруска металла.

Все было хуже, чем он мог себе предположить. И это только руки. Ада сказала, что лицо пострадало сильнее всего и это поистине пугало. Только сейчас к Баку постепенно начало приходить осознание собственного увечья.

«Я теперь ничего и никогда не увижу, – с горечью подумал он.» Весь мир погрузился в бесконечную тьму, в которой можно было просто затеряться, и единственное, что спасало от забвения – это звуки. Множество их. Жутко подумать, сколько проходит мимо человеческого внимания пока есть на что посмотреть, а еще страшнее, что теперь смотреть не на что и только остается, что слушать.

«Просто веди себя как обычно, – Телан шагал по деревенской дороге к обозу с награбленным. Да именно так, с награбленным. Он больше не хотел называть конфискатом то, что было отобрано силой у ни в чем неповинных людей. – Не попадайся на глаза начальству, избегай знакомых и все будет в порядке.»

Тело бывшего товарища Телан спрятал между досками в разрушенном сарае, так что найти его будет непросто. Друзья Велидана, конечно, могли заметить его отсутствие, но не так быстро, а значит запас времени какой-никакой имеется. Оставалось решить, что с этим запасом делать.

«Нужно взять немного провианта и уйти из деревни. Но как? Дождаться ночи и ускользнуть, пока все спят? Не вариант. Часовых будет много, да и разведчики шныряют по округе в ненормальных количествах. Видимо Отец кого-то хочет здесь отыскать, – он дошагал до обоза и с удивлением обнаружил, что его особенно то и не охраняют. Непростительная халатность новичков – а это именно их обязанность – которой он был несказанно рад. – Может напроситься в дозор? Нет, будет выглядеть подозрительно. Никто никогда не идет в ночную смену если этого можно избежать. А черт с ним. Соображу что-нибудь по пути. Сил моих больше нет смотреть на все эти пожары. Огонь, поедающий тела неверных во славу Создателя и его бравых клинков. Тьфу. Аж тошно.»

Телан набрал провианта в большой походный мешок и стараясь не озираясь по сторонам побрел к лесу. На выходе из деревни его, естественно, остановил патруль.

– Стой! – гаркнул сержант и угрожающе положил руку на рукоятку своего меча. – Дезертир? Али так, гуляешь?

– Я... – начал было отвечать Телан, но его перебил один из рядовых.

– А я его знаю, – сказал он с дебиловатой улыбкой. – Это же Телан Анрийский из третьей сотни. Я с тобой на перевале в ночную стоял. Помнишь?

Телан не помнил, но все же кивнул.

– А ну пасть свою заткнул быстро, – лицо сержанта моментально побагровело. – С дезертирами брататься удумал? Так твоя голова вместе с егойной в одну корзину с плахи покатится.

– Да какой он дезертир? Отличный мужик, за наше дело костями ляжет. – не замолкал рядовой. – Вон, гляди какой мешок за спиной. Небось к нашим в лес идет. Провизию для лагеря тащит.

– Так и есть, – решил воспользоваться моментом Телан и поддакнул. – Сам Отец велел оказать посильную помощь нашим братьям в выслеживании и поимке сами знаете кого.

Очевидно это был блеф и ни о каком лагере он не знал, да и в том, что Отец кого-то ищет сильно сомневался, это было лишь предположением, но, как говорят в Анрии: риск – дело благородное.

Сержант нахмурился и подозрительно окинул взглядом «дезертира». Казалось, кожа на его лице от напряжения и бурной мыслительной деятельности сошлась в одну точку на переносице.

– А ну покаж мешок, – он все же снял руку с меча, но всем своим видом давал понять, что может в любой момент ее вернуть на место.

Телан послушно скинул мешок на землю и раскрыл, благодаря самого себя за то, что не пожадничал и взял только еду и необходимые для выживания в лесу вещи.

– Посильную помощь? – процедил сержант. Уж очень ему хотелось придраться, но история выглядела правдоподобно, да еще и этот «сами знаете кто», кого следовало по наставлению Отца пренебреженно поймать, добавлял важности всему происходящему. На родине сержанта судя по всему рисковать было непринято, и он дал на попятную. – Ладно. Но если узнаю, что ты мне наврал, самолично брюхо вспорю и кишки по деревьям поразвешаю. Уяснил?

– Уяснил, – кивнул Телан. – Можете на этот счет быть спокойны. Я передам Отцу о вашем рвении служить ему и Создателю.

Быстро вернув мешок на плечо, он отсалютовал патрульным и продолжил шагать в сторону леса, а сержант за спиной разошелся не на шутку. Он орал на рядового, за то, что тот влезает в разговор старших по званию и вообще без спроса открывает рот, но тому по всей видимости было плевать. На мгновение Телану даже стало жалко эту парочку. Рядовой с таким отношением к делу навсегда останется на самом дне военной пищевой цепочки, а сержант, не умеющий заставить подчиненного слушаться быстро лишится своего звания. Но вновь нахлынувшая волна отвращения к ордену и его членам быстро смела всю жалость без следа.

– Давно хотел тебя спросить, как ты оказалась в нашей речке? Я имею в виду, ты же почти мертвая там плавала, связанная, раненая. Должно быть с тобой приключилось что-то ужасное и...

– Тебе там чего, скучно? – Ада несла Бака как рюкзак, при этом ловко взбираясь на гору, так, будто шла налегке. – Может ты тогда сам ножками потопаешь? Тут недалеко.

– Я же не вижу ничего. А вдруг я упаду? Меня тогда до самого леса об скалы бить будет и вниз долетит только каша.

– Было бы неплохо, – она улыбнулась, вообразив эту картину. – А то если ты сейчас не заткнешься, то я сама тебя сброшу.

Бак покорно замолчал. Конечно, он уже начинал привыкать к грубоватой манере общения Ады, но иногда она могла быть чересчур резкой тогда, когда этого совсем не ожидаешь.

Слушать как удивительно ровно дышит человек, несущий тебя на плечах в гору, та еще забава. Особенно если ты при этом обязан помалкивать. А прибавить ко всему прочему непроглядную тьму слепоты и дело тут же превращается в адскую пытку. Человек постоянно забывает свои чувства информацией, а голову различными мыслями только ради одного, ради побега. Побега от самого себя. Но попробуй ты хоть на десять минут закрыть глаза, заткнуть уши и прислушаться к себе, как поймешь, что слушать то и нечего. Лишь мечущиеся в разные стороны обрывки идей, не оформившиеся, туманные, а за ними маячит громадина пустоты.

Потеряв зрение, Бак изо всех сил пытался избежать столкновения с этой внутренней пустотой. Каждую секунду он старался отвлекать себя всевозможными способами, болтать, слушать звуки окружающего мира, погружаться в воспоминания. И это работало, позволяло

не раскисать. Но в горах не было никаких звуков кроме ритмичного шарканья ног Ады и ее размеренного сопения. Они повторялись снова и снова, вводя парня в своеобразный транс, заманивая в ловушку воспаленного горем воображения.

Бак судорожно собрал мысли в кучу и попробовал сконцентрировать свое внимание. Затем он попытался представить, будто все еще видит. Как выглядит затылок Аделаиды, ее завязанные в короткий хвостик черные волосы, шелковистая кожа не шее, лямки мамино сарафана. Потом он заглянул через ее плечо и стал восстанавливать по памяти местность, пробовал понять, где именно они сейчас, как вдруг произошло нечто очень странное. Он отчетливо увидел злосчастную дыру в земле. Вернее, не саму дыру, а ее силуэт. Еще он увидел пульсирующее синеватое сияние, исходившее из дыры.

– Что это там? – Бак похлопал Аду, привлекая ее внимание, и указал скрюченным пальцем в сторону свечения.

– Дырка твоя земляная, – огрызнулась девушка и тут же переспросила: – А что?

– Я ее вижу, – в голосе Бака было волнение и заинтересованность.

– Не выдумывай.

– Нет, честно. Из нее струится какой-то синий свет. Точнее я только свет и вижу, но очертания ямы узнал.

– Вот это новости, – Ада хмыкнула и поудобнее перехватила его ноги. – А ты, пацан, не так прост, как кажешься. Жалко, что на голову ушибленный. Раньше такой свет уже видал?

– Нет. В первый раз. Что это значит? Есть шанс, что ко мне вернется зрение?

– Ой, нет. Тут без вариантов. У тебя же глаз совсем нет, только пустые дырки в черепе. Ну, разве что ты найдешь способ новые себе отрастить. А свет этот – это магия, пацан. Не сама прям магия, – она улыбнулась и Бак понял это по тому, как изменился звук ее голоса. – Только ее следы. Она как бы заряд после себя оставляет, как угольки после костра. Они тлеют и заряд тоже. Особо внимательные могут по этому следу понять, как давно заклинание использовалось, и что оно делало. Вот я, например, так и поняла, что у тебя там внизу жопа приключилась.

– Ты тоже его видишь?

– Не. Прям видят не многие. В основном, чувствительные люди просто понимают, нутром чувствуют. Но бывают и такие как ты – зрячие. А еще есть нюхачи, слухачи и щупы. Думаю, сам разберешься, что почем. Мы пришли.

Баку было странно наблюдать дыру не черной и зловещей, как раньше, а совсем наоборот. Теперь весь мир для него был зловещей черной дырой, а она сама – единственным источником света. Он струился из-под земли иногда пульсируя и переливаясь разными оттенками синего, словно подсвеченный полной луной туман. Туман, переполненный хлопьями пыли, от одного вида которой Бак снова зашелся в приступе кашля.

– Так! А ну давай мне на затылок не харкай, – Ада нахохлилась как недовольная птица, получившая дождевой каплей по макушке. – Давай слазь. Я тебя на веревке вниз спущу. Ох как я тебя вытаскивала... Обмякший, рожа страшная, синяя, как виноград. Ручки ножки в разные стороны растопырились, в дырку не пролазят, цепляются. Сплошные неудобства.

– Спасать людей не всегда приятно, – переводя дух ответил Бак. – Тебя из Рубицы вытаскивать тоже было неудобно. Мокро, холодно, ноги в ил грузнут. А потом ты еще и нож у меня отобрала.

– Хах! Еще могу значит. Стой, погоди.

Раздался треск рвущейся ткани.

– Ты чего?

– Да больно у тебя харя жуткая. Боюсь, в полумраке увижу ее и двину по привычке.

Ада взяла кусок сарафана, который только что оторвала от подола, и накрыла им пустые глазницы Бака, а края завязала на затылке.

– Вот, так хоть честной народ пугать не будешь. А теперь на, бери и спускайся.

Парень послушно взял протянутую ему веревку и, активно нащупывая ногами дорогу, полез в дыру.

Уже в третий раз он оказался в подземной спальне и сейчас от былой романтики приключений не осталось ни следа. Изувеченный и перепуганный до полусмерти, находящийся на грани очередного приступа кашля, Бак проклинал тот день, когда пробил спиной дорогу сюда. Он с большей радостью переломал бы себе хребет, если бы только мог повернуть время вспять и пододвинуть самого себя в полете на пару локтей вправо. Но, как говорят, знал бы куда упадешь...

– Эй, дух, выходи! – крикнул Бак и сам того не замечая сжался от страха.

– Ты чего орешь? – Ада ловко спрыгнула на кровать и на секунду прислушавшись к своим ощущениям, слезла с нее. – А ничего так лежбище.

– Духа зову. Я должен отдать ему эту штуку, – он вытянул перед собой обезображенную руку с зажатым в ней металлическим брусом.

– Зачем?

– Как зачем? Она ему нужна, и я должен отдать, – он говорил это с такой уверенностью, будто это ясно как день, а Ада просто глупая и ни черта не понимает.

– Ну и на кой ляд ему эта безделушка?

– Мне по чем знать? Просто я точно уверен, что он хотел именно ее и тянулся к ней, когда я в обморок упал. Теперь я должен ее ему отдать.

– Тогда пошли вниз, туда, где он на тебя напал. Что толку его тут звать? Мог бы он сюда подняться, она бы просто так на тумбочке не валялась.

Бак неуверенно кивнул. В словах Ады был здравый смысл. Вот только вниз спускаться совсем перехотелось. Это как купаться поздней осенью или ранней весной. Вроде и воздух не такой уж холодный, и кажется, сейчас как нырнешь... а когда ступни в ледяную воду ступают, так сразу все желание улечивается.

Но в отличие от купания, встреча с духом была важна. Правда Бак еще не до конца понимал, почему. Он только знал, что это то дело, которое нужно закончить несмотря ни на что. Просто сцепить покрепче зубы, затолкать свои страхи и сомнения поглубже, и сделать. Так он и поступил. Ухватившись за плечо Ады, он осторожно следовал за ней попутно всматриваясь в синие переливы магического следа, окружавшие его. Подрагивающие лучи пронизывали все вокруг. Они, казалось, исходили из всех предметов сразу. Девушка была права, это действительно было похоже на угли от костра. Стены, пол, потолок, все тлело магическим жаром и Бак с каждой секундой все лучше и лучше видел это своим внутренним взором.

– Осторожно, ступеньки, – Ада ловко переступила через лежавшие на полу перила.

– Я вижу, – ответил Бак и повторил за ней. – Всего лишь очертания и силуэты, но здесь я снова вижу.

– Поздравляю. Тогда можешь оставаться здесь жить. Будешь со своим духом в обнимку сидеть и пялиться по сторонам.

– Почему ты такая агрессивная?

– Да не к добру все это. Ты как одержимый прешься сюда и раз за разом становится только хуже. Вот, теперь и меня затащил. Подождем мы здесь с тобой, а в мои планы это не входило.

– Если бы не я – ты бы еще в Рубице померла, – напомнил ей Бак.

– Это другое, – возразила она. – Тогда все было по делу, а сейчас какое-то баловство одно.

– И по какому же это такому делу человек может помирать?

– По какому делу? – перекивляла она его. – А вот по такому делу, что не твое собачье дело, по какому делу. Лучше давай говори, что делать нужно чтоб твой дух пыльный объявился.

Бак вышел в центр комнаты, стал возле длинного кожаного дивана и пожал плечами.

– Почем мне знать? – он огляделся по сторонам. – Я стоял здесь и разглядывал картину, а потом бац и он уже тут.

– Ну так давай. Повторяй, как было.

Бак замешкался на мгновение, а затем встал возле стеклянного столика и повернулся к «картине» на стене. Черный матовый прямоугольник висел на том же самом месте и с точки зрения Ады совершенно не изменился. Но Бак, видя его мысленным взором, не мог сказать того же. Теперь, подсвеченный магическим жаром он показывал картинки. Они были еле заметны, но все же были. Изображения людей в странных одеждах, идущих по улицам невиданных городов, сменялись пейзажами, а затем плавно возвращались к домам. И так снова и снова в бесконечно повторяющемся цикле.

– Аделаида, ты это видишь? – восхищенно спросил Бак и не дожидаясь ответа продолжил: – Картина ожила.

– По-моему она просто черная. Ты вообще уверен, что это картина?

Парень ничего не сказал в ответ. Он был полностью поглощен созерцанием прекрасного творения древних, что жили в этом доме задолго до появления Великих Хребтов. И он готов был простоять там еще очень долго, если бы не приступ кашля, настигший его снова.

– Ох не нравится мне все это, – Аделаида подошла к опустившемуся на колени Баку и присела рядом. – Может быть ну его? А? Ты же здесь задохнешься.

– Нет, – только и смог выдавить из себя Бак.

– Вот именно, что нет. Никакого духа здесь уже нет. Он покалечил невинную жертву, и со спокойной совестью растворился во вселенной. Каждый дух – это незавершенное дело. Тебе просто попался злодей, который хотел напоследок напакостить. Вот и все. А теперь пойдём. Я вытащу тебя на свежий воздух.

– Нет, – снова повторил Бак и показал пальцем ей за спину.

Ада обернулась и увидела человеческую фигуру, сотканную из колебавшихся в воздухе крупных хлопьев пыли. Девушка тут же приняла боевую стойку и насторожилась. Все ее нутро снова содрогнулось от мощной магической вибрации.

Бак же видел совсем иное. Перед его мысленным взором предстала пожилая женщина с заплаканным от горя лицом. Она была совсем не страшной, а даже наоборот. Ее хотелось пожалеть и обнять. И эта двойственность пробрала Бака до глубины души.

Более не обращая внимания на кашель, он встал на ноги, выпрямился во весь рост и сделал шаг на встречу духу. В ответ она шагнула к нему и тут же остановилась. Затем она протянула вперед руки. Бак заметил, как ее губы шевелятся в беззвучной просьбе, а по щекам стекают слезы. По выражению лица женщины было отчетливо ясно, что она в полном отчаянии.

Не видя иного выхода, Бак протянул вперед свою обезображенную клешню, в которой был зажат металлический брусок. Он попытался разжать пальцы, но и в этот раз у него ничего не получилось.

– Аделаида, помоги мне, – попросил он.

– Что нужно? – переспросила она, не отрывая взгляда от вихря из пылинок.

– Разожми мою руку.

– Сейчас, – Ада взялась за его одеревеневшие пальцы и с силой потянула в стороны. Раздался неприятный хруст и ладонь Бака пронзило лезвие боли.

– Теперь отойди, – он протянул брусок духу.

Пожилая женщина, будто боясь, осторожно подошла еще ближе. Затем, сделав резкий выпад вперед, выхватила брусок и снова отбежала. В момент, когда ее рука коснулась пальцев Бака, он испугался, что снова увидит, как разряд молнии обжигает его плоть, но ничего подобного не произошло.

Тем временем женщина-дух, забыв про двух нарушителей ее спокойствия, стала отрешенно ощупывать поверхность металлического бруска. Она водила по ней пальцем, нажимала на нее, словно проверяя на прочность. Спустя несколько, тянувшихся вечность секунд, женщина приложила брусок к уху и ее лицо озарила улыбка облегчения. Она слегка наклонилась,

явно выражая Баку благодарность за помощь и медленно растворилась во всеобщей синеве магического сияния, а брусок с грохотом упал на пол.

– И что это за хрень только что была? – спросила Ада, когда они оба наконец оказались на поверхности.

Бак молчал. Он обдумывал произошедшее, пытаясь сперва найти ответ для себя самого, подобрать нужные слова. Сейчас он, как и Аделаида, не в силах был осознать весь масштаб случившегося, охватить новым мысленным взором общую картину. Тем более, что чем дальше они отходили от дыры в земле, тем слабее становилось сияние магических углей и мир вокруг постепенно терял четкость. А когда они добрались до лагеря, который разбили на границе роста деревьев, Бак уже снова был пленником крошечной тьмы.

– Я освободил ее, – после долгих раздумий ответил он.

– Кого? – Ада сперва не сориентировалась, о чем вообще говорит паренек. Слишком много времени прошло между вопросом и ответом. – А, ты о пыльном духе.

– Я не думаю, что пыль вообще имеет к этому хоть какое-то отношение. Она просто заложник воздушных потоков, летит туда, куда ее тянет, и танцует только в нашем воображении.

– О как мы заговорили...

– А духом подземелья была пожилая женщина. Она оказалась в плену нижнего этажа, вынужденная смотреть на живую картину целую вечность, пока кто-нибудь не принесет ей ключ к загробной жизни, – Бак провел задеревеневшими пальцами по растрескавшейся от падения поверхности «металлического» бруска, который на поверку оказался покрыт тонким слоем стекла. – Я освободил ее. Она растворилась в магическом следе без остатка. Теперь, Аделаида, ты можешь быть свободна. Я прощаю твой долг.

– Да хрен там, – лицо Ады скривилось в отвращении. – Чего это ты вдруг стал таким надменным? Не забывай свое место, фермерский отпрыск. Во-первых, то, что ты освободил от проклятия какого-то там духа, если вообще освободил, ни черта еще не значит. Ты как был деревенским оболтусом, так и остался. А во-вторых, не в твоей компетенции решать оплачен мой долг или нет. А уж тем более его прощать. Этот долг не перед тобой, а передо мной. Я сама себе должна. С моей профессией без подобных вещей ни о каком чувстве собственного достоинства с человечностью и речи быть не может. Так что помалкивай в тряпочку и жди, пока я жрать приготовлю. А как поедим, я тебя обратно в деревню отведу. Мне еще от твоего идиотского папашки выслушивать за глаза проср... – она резко замолчала на полуслове и насторожилась. Ее острейший слух уловил треск сломанной ветки в паре сотен локтей от лагеря. Непростой треск. Такой бывает тогда, когда кто-то тяжелый неосторожно ступает твердой подошвой сапога.

– Сиди здесь и никуда не уходи.

Не дожидаясь реакции Бака, Аделаида бросила палку с насаженной на нее недожаренной бельчатиной в костер и резво юркнула между деревьями.

Найти источник шума не составило труда. Им оказался бесцельно бредущий по лесу солдат. Он был сильно ранен и явно тратил свои последние силы на ходьбу. Ада, притаившись за стволом старой сосны, наблюдала за чужаком, оценивая его и решая, как поступить дальше.

Солдат выглядел скверно. Его доспех был покрыт царапинами и брызгами крови, а между латными пластинами на плече торчал обломок стрелы. В левой руке мужчина сжимал кортик, которым пытался стереть отличительные знаки своей армии. Вторая же была перерублена сильным ударом в районе локтя и безжизненно болталась, удерживаемая лишь тонким куском плоти, да остатками рубахи.

Сделав еще несколько шагов и споткнувшись о кочку, мужчина потерял равновесие и упал лицом в траву. Полежав секунду другую, он перевернулся на спину, но встать не стал. Он просто смотрел сквозь кроны деревьев на небо и продолжил царапать кортиком доспех.

«Спекся, – подумала Ада. – Опасности не представляет. Помирать собрался. Стоит спросить его, как он здесь оказался, пока еще живой.»

Она вышла из своего укрытия и спокойной походкой, не скрывая шагов, направилась к солдату.

– Эй, служивый!

Мужчина медленно направил свой взгляд на Аду. Его глаза выражали глубокую скорбь вперемешку с апатией.

– Какими судьбами в таком далеком кра... – девушка запнулась на полуслове. Подойдя поближе она смогла разглядеть знак на груди солдата. Большую часть мужчине настойчивым трением удалось превратить в непонятное бурое пятно, но в оставшемся куске Ада с легкостью узнала символ Создателя. – А, святой рыцарь. Как жаль, что ты уже покойник. Мне бы пригодилась хорошая разминка.

– Я что, похож на святого? – угрюмо ответил мужчина.

– Да кто ж из вас похож?

– Мы все просто самодуры и глупцы.

– Вот и я говорю. Строите из себя невесть что, а на самом деле тьфу и растереть.

– Если ты все сказала, то дай мне умереть спокойно, – рыцарь снова отвернулся к небу. – Сейчас мне только нравучений не хватало.

– Да пожалуйста. Умирай на здоровье. Только скажи, как тебя в эту глушь занесло.

Рука мужчины, сжимавшая кортик, дрогнула, а затем с еще большей силой нажала на рукоять. Лезвие надрывно заскрежетало, проделывая в броне длинную борозду.

– Святой поход, – только и ответил рыцарь.

Зрачки Ады тут же расширились, и она быстро подбежала к рыцарю.

– Ты пойдешь со мной, – отрезала она, выдавливая из пальцев мужчины кортик.

– Нет! – простонал рыцарь. – Отвали! – он пытался удержать оружие, но женщина оказалась гораздо сильнее. – Я просто хочу, чтобы мои мучения закончились.

– Потом, – ей все же удалось вырвать кортик из цепких пальцев рыцаря. – Так, это тебе больше не понадобится.

Она без предупреждения рубанула по куску плоти, державшему предплечье и уже начавшая синеть рука откатилась в сторону. Рыцарь стиснул зубы, но не издал ни звука.

– Теперь я отнесу тебя в лагерь, и ты мне все расскажешь. А после, если мне понравится услышанное, я убью тебя быстро и безболезненно.

Ада подсунула руки под спину рыцаря и, приподняв его вялое тело, перекинула через плечо.

– Не хочу умирать безболезненно, – раздался его затухающий голос. – Я должен страда...

Он потерял сознание и окончательно обмяк.

– Еще один на голову двинутый, – выдохнула Аделаида. – И что же мне так не везет то?

Привет, старик

– Господин! – разведчик без церемоний влетел в палатку Отца. – Южный лагерь...

– Тише, тише. – глава кампании оценивающе осмотрел запыхавшегося подчиненного и жестом пригласил его к столу. – Давай без лишних криков и суеты.

Из увесистого бурдюка он плеснул немного вина в серебряный кубок и протянул его разведчику.

– На, вот, испей.

Замешкавшись, мужчина все же принял кубок и в два больших глотка его опустошил.

– Что скажешь? По-моему, слишком терпкое и недостаточно сладкое.

– Прошу прощения, господин. В винах разбираться не научен.

– Ах вот оно как, – Отец медленно встал из-за стола и зашел разведчику за спину. – Теперь ты просишь прощения. Значит элементарные манеры у тебя все же имеются. Но тем не менее ты не посчитал нужным спросить разрешения войти в мои покои.

– Виноват, Господин. Я подумал, что вести важнее манер.

– Ах важнее? – рука Отца мягко легла на плечо разведчика и тот невольно вздрогнул. – Ну тогда скажи мне эти вести.

– На н-наш южный лагерь н-напали, – голос мужчины дрожал. – Выживших нет.

– Действительно важные. И кто это сделал?

– Не могу знать. Следы говорят, что нападавший был всего один. После схватки он скрылся в лесу у Южного хребта.

– Всего один... – протянул Отец и его взгляд задумчиво устремился в никуда.

Постояв еще с минуту практически не шевелясь, разведчик все же осмелился повернуть голову и спросить: – Господин, я могу идти?

Отец отрешенно кивнул, но в последнюю секунду все же сжал ладонь на плече у разведчика и остановил его.

– В следующий раз зайдешь без спросу – я посажу тебя на цепь и запрещу говорить. Будешь вместо этого лаять, как бродячая собака. Ибо, ставя задачу превыше манер ты уподобляешься животному, а животным не место в священном войске Создателя. Ты меня понял?

– Понял, – проскулил разведчик и пулей вылетел из палатки.

Проводив невежу взглядом, Отец отвернулся к столу и посмотрел на свое отражение в серебре винного кубка.

– Значит все же жива... – он обхватил кубок своими грубыми мозолистыми пальцами и сжал так сильно, что металл не выдержал и начал проминаться, пока, наконец, не лопнул, вонзившись острием осколка в кожу.

Отец нервно отбросил испорченную посуду в сторону, затем вытер проступившую кровь о штанину и распахнул края палатки.

– Грит, – он позвал к себе неприметного паренька лет восемнадцати, ошивавшегося неподалеку и, в основном, помогавшего с грязной работой, которой обычно старшие чины боялись как огня, – зайти ко мне на минутку.

Паренек молча юркнул в палатку.

– Дело секретное и важное, – начал Отец и непроизвольно провел пальцем по порезу на ладони. – Мое предчувствие не подвело, мерзавка каким-то образом выжила.

– Палач Мерцающего Пика? – обеспокоено переспросил паренек. – Вы уверены?

– Тише ты, – Отец покосился в сторону входа. Он специально отбирал для операции в долине людей издалека, незнакомых с Мерцающим Пиком и связанными с ним делишками, но лучше было поостеречься. – Никто ничего не должен знать. Паника – это последнее, что нам сейчас нужно.

– Но она не могла... С такими ранами просто невозможно...

– Заткнись и послушай меня. Она жива и продолжает свои зверства. Разведчик доложил, что какой-то неизвестный в одиночку разбил наш южный лагерь и скрылся. Ничего не напоминает?

– Может это просто местные? Сбежали в партизаны и теперь пытаются нас напугать, – Грит прекрасно знал, что никакие местные не сравнятся в хитрости и жестокости с этой женщиной, а потому надеялся, что это все же они.

– Вот это то ты и выяснишь. Мои предчувствия пока еще ничего не значат, и мы должны убедиться наверняка. Сейчас я отправлю усиленный отряд для восстановления разбитого лагеря, а ты проследишь за ними. Только держись на расстоянии. Если это действительно она, то нападение повторится.

– И с чего бы ей нападать второй раз?

– С того, что деваться ей больше некуда. Либо южный лагерь, либо основной. Еще она может в обход пойти на перевал, но там ее встретят наши. Ладно, все, – Отец торопливо накинул плащ, – я отправлять людей, а ты сразу из палатки не выходи. Подожди пару минут, чтобы никто не догадался. Если вдруг спросят, скажешь, что...

– Спокойствие, – отмахнулся от наставлений Грит. – Не надо учить ученого. Лучше скажи, брата с собой брать?

– А? – Отец на секунду растерялся. – Ах, да, брата. Нет, лучше скажи ему, пусть тоже ко мне зайдет попозже. Для него есть другое дело.

Рыцаря знобило.

Как только Ада притащила его в лагерь, то первым же делом сунула окровавленный обрубок в костер. Огонь мгновенно остановил кровотечение и прижег рану. После, она оторвала от своего сарафана, уже больше похожего на короткое платье, еще один кусок ткани и наложила повязку. Это должно было помочь предотвратить попадание болезни в кровь.

Не помогло.

Рыцаря знобило. Временами он приходил в себя, что-то неразборчиво бормотал про мертвых детей, пожарища и смерть, а затем снова проваливался в страну грез.

– Кто это? – Бак сидел рядом с незнакомцем и держал сохранившую чувствительность руку у него на лбу. Даже сквозь огрубевшую корку магического ожога он ощущал жар.

– Обычный идиот, – только и ответила Ада. Ее сейчас больше заботило не то, как зовут этот ходячий труп, а его слова про священный поход и какого черта все это воинство фанатичных садистов забыло в долине двух хребтов. Неужели Отец решил убедиться, что раскаленное копьё сделало свое дело? Тогда ситуация гораздо хуже, чем предполагалось. Ни на какой эффект неожиданности теперь рассчитывать не стоит.

– Аделаида, – прервал ход ее мыслей Бак, – почему этот мужчина в броне? Что происходит? У нас в деревне таких доспехов не водится.

Паренек нервно водил рукой-клевшей по латным пластинам.

– Да тихо ты! Дай подумать.

«Допустим, я опоздала и поход зашел настолько далеко... Что теперь? – пламя костра перекинулось на свежее полено и начало потрескивать, составляя аккомпанемент стонам и бормотанию рыцаря. – Нет, без своих вещей я мало что могу... Нужно в Мерцающий Пик, но, даже если доберусь до перевала, вряд ли Отец настолько глуп, чтобы оставить его без охраны.»

Мысли в голове Аделаиды устроили дикую скачку, а нервы, отвыкшие от рабочего напряжения, натянулись до предела. Девушка, не обращая внимания на непрекращающиеся расспросы Бака, задумчиво паялилась в костер и грызла ноготь.

– Ладно! – вдруг выпалила она, оттолкнула слепого парнишку в сторону, затем схватила рыцаря за воротник стеганой рубахи и встряхнула как следует. – А ну просыпайся, ты, мешок с говном! У меня нет времени смотреть, как ты дышаешь.

– Что ты делаешь? – Бак неловко встал на ноги и принялся заступаться за незнакомца. – Он же болен. Разве не видно?

– Это тебе должно быть не видно, – огрызнулась она и вlepила рыцарю звонкую пощечину, но это не принесло результатов. На его мертвенно бледной щеке даже следа не проступило. – Поменяйся вы местами, так он тебя прирезал бы без сомнений.

– Прирезал? Но почему?

– В том мире, в котором живут он и ему подобные это считается милосердием. Зачем бороться за жизнь? На все есть воля Создателя. Так ведь? – она отпустила еще одну пощечину. – Прирезал бы тебя как миленького, чтоб ты наверняка окочурился. Видите ли, путь смиренных и убиенных лежит прямиком в небесные чертоги.

– Так он из этих? – Бак слегка отстранился. – Из божьих людей?

– Из этих, из этих... – потеряв надежду привести рыцаря в чувства, Ада уселась рядом с ним на землю и разочарованно стукнула костяшкой указательного пальца ему по лбу. Рыцарь нахмурился, но через мгновение его лицо снова расслабилось. – И если этот не выживет, то у нас с тобой будут большие проблемы, пацан.

– Это от чего?

– От того, что перед тем как отключиться он успел сказать, что в долину пришел священный поход. Везде, куда приходит священный поход начинаются проблемы.

Нир, купеческий сынишка, кое-что рассказывал про божьих людей, но в этих рассказах никогда не упоминались походы. Только костры и страх. Но даже будучи обычным фермером Бак смог сложить в своем воображении одно с другим. Картинка получилась огорчающая.

– Так они пришли чтобы всех сжечь? – решил он уточнить свою догадку.

– Не всех, но многих.

– Но тогда нам нужно срочно предупредить долинных! – Бак вскочил на ноги, но быстро понял, что сам он далеко не уйдет, а Ада не особо-то спешит помогать ему. – Ты чего?

– Сядь и успокойся. По своему опыту знаю, что паника ничем не поможет, а вот хорошего пинка в сторону могилы даст.

– И что теперь? Мы будем просто сидеть и ждать пока моих друзей... пока моего отца... – он не мог выдать из себя нужные слова.

– Нет. Мы будем сидеть не просто так. В первую очередь нам нужна информация. Вот сам подумай, если этот красавец одорукий, – она подняла рыцарский кортик и начала чертить на земле простенькую карту, которую все равно Бак не видел, – оказался в лесу, на юг от твоей деревни, а перевал на большую землю – на севере, то, о чем это нам говорит?

Бак сперва не ответил, раздумывая над задачей, а через пару секунд сказал: – О том, что он очень долго шел.

– Нет же, балда. Это значит, что как минимум силы похода укрепились на перевале, и может быть даже в долине. Иначе как бы он оказался так далеко на юге, да еще и порубленный? Очевидно, было сражение. Теперь надо выяснить, кто с кем сражался, кого победили и сколько еще осталось. Сомневаюсь, что ваши мужики с вилами и топорами смогли бы так рыцаря уделать.

На лицо Бака упала тень отчаяния. Всего две недели назад он не мог и представить себе, что в его монотонной и скучной жизни может случиться хоть что-то, отличающееся от рабочей рутины. «Сей да паши, – как частенько говаривал его отец. – Сей да паши и не будешь знать горя.» Сейчас же, стоя в крошечной темноте слепоты с изуродованным лицом и руками, и думая о том, как его село пожирают пожары войны, он хотел, чтобы все стало как прежде. Он хотел снова увидеть Рака, согнувшегося под слабым утренним солнцем и ворчащего обо всем

подряд, потому, что деревянный разметочный колышек, который он забивал, уперся в валун и никак не двигается дальше. Он хотел увидеть хитрый прищур Нира, задумавшего очередную пакость, за которую в итоге непременно получит по шее. Было бы здорово снова почувствовать непередаваемый запах стряпни Мирты, разносящийся ветром по округе и заставляющий добрую половину деревни завидовать белой завистью кузнецу Ульффу...

– Нет! – слово прозвучало резко и сильно, словно удар грома.

– Нет? – удивленно переспросила Ада, ведь паренек просто молча стоял и стоял, а потом нате вам. Но Бак не обратил на вопрос никакого внимания.

Его душа стремительно заполнялась сиянием. Оно просто возникло из ниоткуда, стало расти и шириться, питаясь воспоминаниями, скорбью и злостью, разливалось словно жидкий свет, озаряя даже самые отдаленные уголки сознания. Паренек не противился ему потому, что знал: это сияние не навредит. Он, будто выйдя из собственного тела, став чужим самому себе, наблюдал со стороны за тем, как руки и ноги обретают волю и поступают так, как им того хочется, выполняя то, что должны.

Со стороны же Аделаида видела, что фермерский отпрыск, встав на колени перед лежащим рыцарем, положил ладони-клешни ему на щеки и замер.

Бак более не мог сдерживать свет внутри себя. Не зная, почему, но он был уверен, что должен отдать сияние рыцарю, исцелить его страждущее тело. Направив свой внутренний взор на лицо под ладонями, он с удивлением обнаружил, что видит его во всех подробностях. Даже более того, Бак видел не только лицо, но и тело, скрывавшееся под доспехами. Оно было покрыто шрамами, синяками и грязью.

Сконцентрировавшись еще сильнее, он погрузился вглубь, прощупывая мысленным взором мышцы и сосуды, инстинктивно ища что-то. Бак пока еще не знал, что именно, но был уверен, что поймет, если найдет. Так и произошло.

– Вот она – прошептал он себе под нос.

Новым зрением Бак видел, как зараза распространяется в крови, отравляя измученное тело. Она текла густым дегтем, пропитывала смертью все вокруг и медленно убивала рыцаря. Этому нужно было положить конец и как можно скорее.

Собрав всю волю, парень направил уже заполнявшее его до краев сияние сперва себе в руки, а после – в тело рыцаря. Это оказалось настолько просто и естественно, будто он делал это всю свою сознательную жизнь. Мысленно Бак наблюдал за тем, как свет неудержимой волной прокатывается по новому сосуду, поглощая на своем пути болезнь, затягивая порезы, заживляя раны и стирая шрамы.

С точки зрения Аделаиды ситуация выглядела более чем странно. Паренек ни с того ни с сего выкрикнул в никуда слово «Нет», схватил рыцаря за щеки, посидел так с минуту, а после грохнулся рядом.

– Эй, пацан, ты чего? – она настороженно встала, наступив ногой на не дочерченную карту.

Бак не ответил. Он лежал на животе, лицом в притоптанной скудной траве и со стороны казалось не дышал, но Аделаида прекрасно слышала, что это не так. Просто дыхание слабое, вот и все.

Зато ответил пришедший в себя рыцарь.

– Проклятье... – прохрипел он, приоткрыв глаза, – я все еще жив.

– О как... – Ада нахмурилась. – У вас что, смена караула? Ладно, неважно. Главное, что ты можешь говорить, красавчик. И говорить ты будешь.

Несмотря на неприметную внешность разнорабочий Грит, которого так любил держать у себя под рукой глава священного похода, был совсем не прост. Неприятные поручения явля-

лись лишь прикрытием для его основной деятельности, а именно – разведки и сбора информации. Недоброжелатели бы назвали Грита грязным шпионом, хотя он сам больше предпочитал специалиста по сбору информации и обеспечению безопасности. У таких больших людей как Отец есть множество противников, готовых на разные пакости ради того, чтобы спихнуть конкурента с теплого местечка любыми доступными способами, а Грит за регулярную и, что не менее важно, хорошую плату готов обламывать таким конкурентам планы. В свои годы он умудрился не один раз доказать верность ордену, Отцу и самому Создателю, предотвратив три покушения, не меньше десятка отравлений и даже одну подставную дуэль. Немногие шпионы могли гордиться подобными заслугами, а все потому, что за ту самую регулярную плату вы получали не одного, а целых двух помощников, ведь у Гита был брат – Брит, похожий на него, как две капли воды. И этому брату Отец поручил отправиться на перевал.

Задумка главы священного похода была проста, но вряд ли бы получила одобрение Чтеца, узнай он об этом, потому, как дело могло закончиться весьма трагично. Отец во что бы то ни стало хотел заполучить голову Палача Мерцающего Пика. Он даже готов был пожертвовать собой ради такого, ведь слухи о том, что эта бешеная баба разбилась о несокрушимые латы рыцарей Создателя, могли бы отбить желание противников истинной веры чинить сопротивление. Поэтому Отец решил устроить из долины Двух Хребтов ловушку, приманкой в которой он был сам. Пока новый, усиленный отряд разведчиков в сопровождении Грита отправлялся восстанавливать Южный лагерь, в деревне велось приготовление сигнального костра. В том случае, если Палача Мерцающего Пика не удастся остановить собственными силами, Отец собирался поджечь высокую конструкцию из высушенных и промасленных веток. Пламя, подкрепленное дымом, послужит знаком для Брита на перевале и тот передаст основным силам приказ к наступлению. Даже если бешеная баба каким-то образом сумеет расправиться с Отцом и лагерем в деревне, против всего воинства похода ей выстоять точно не удастся.

Отряд из пяти опытных рейнджеров и двух менее опытных солдат поддержки маршировал по лесу. День подходил к концу и лучи закатного солнца, проскальзывавшие меж кронами, отблескивали на отполированных доспехах.

– Как думаете, – прошептал рядовой сержанту, покосившись на угрюмых разведчиков, – кого мы ищем?

– Рот закрой и шагай молча, – рявкнул тот в ответ и звонко ударил латной рукавицей его по шлему. – Дезертиром он был, сердцем чую... У меня на таких нюх.

– Не думаю, что нас за тем рыцарем отправили.

– Нет, ты дождешься! – брови сержанта сошлись на переносице, а лицо привычно побагровело. – Тебе знать не положено, чего там начальство по округе рыщет. Велено в лесу сидеть – будем сидеть. Велено рейнджеров охранять – будем охранять. Али ты приказ Самого, – он благоговейно помахал кулаком, – оспаривать собрался? А?

– Ну вы того... за дурака-то меня не держите.

– Да чего тебя держать-то? Вон, на роже так и написано: дурак.

– Обидные ваши слова, – рядовой поправил сползший от удара шлем. – Между прочим я может из благих побуждений спрашиваю? Вы же сами учили, что врага надо знать в лицо. Так?

– Это да, – на этот раз сержант улыбнулся. Ему льстило, что его наставления цитируют, – было такое.

– Ну так вот я и подумал, что было бы неплохо знать, против кого воюем. А то не дай Создатель выйдет как при штурме Лагоракского замка.

Этот позорный день не было принято упоминать в бытовых разговорах, и сержант снова нахмурился. В то осеннее утро великое воинство умудрилось взять штурмом уже захваченный

ими же замок. Потери были колоссальными, ведь в их список входили не только люди, боеприпасы и большая часть самого замка, но еще и честь всего ордена.

Как так вышло никто не знает, да и разбираться не особо кто хотел. Высшие чины заявили, что виновные наказаны по все строгости порядков, а семьям погибших выплачены компенсации из казны церкви, этого оказалось достаточно, чтобы замаять происшествие. Естественно обычные вояки проглотили позор и стали постепенно забывать прискорбную оплошность, но среди молодняка до сих пор хаживали слухи, что это была своеобразная разборка между кем-то из верхов.

– Ты тут это самое, давай потише. Кто старое помянет... И вообще, к чему разговор? Сказано охранять южный лагерь, вот мы и идем его охранять. Какие могут тут быть непонятки?

– А такие, – рядовой понизил тон и перешел на заговорческий. – Кто знает, что приключилось с прошлым отрядом? Правильно, никто. Где те разведчики? Куда подевались?

– Слышь, ты страху-то не нагоняй, – сержант бросил грозный взгляд на рядового, но после все равно опасливо огляделся по сторонам.

– Я тут, перед отправлением, возле телеги с конфискатом...

– Так! погоди ка. Ты чего это там вообще шастал?

– Да ничего. Так, нечаянно...

– Воровал поди? – сержант снова покосился на рядового. Тот яростно мотал головой.

– Честно вам говорю, просто мимо проходил.

– Точно?

– Точно!

– А не брешешь?

– Никак нет. Как есть говорю. Просто мимо проходил.

– Ладно, – протянул сержант. Он прекрасно знал, что рядовой врал и, что все понемногу тянули из той телеги себе всякую мелочевку, но нагоняй дать стоило. Чисто из профилактических целей. – Ну так и чего?

– Чего? – опешил рядовой. – Ах да. Шел я, значит, СЛУЧАЙНО, – он специально выделил это слово, – возле телеги с конфискатом, и, НЕЧАЯННО, – опять выделил он на всякий случай, – подслушал разговор парочки рыцарей-братьев. Трепались ни о чем, но одно меня насторожило. Слух зацепился, как говорят.

– Кто говорит?

– Да иди ты...

Сержант сипло расхохотался.

– Давай ближе к телу. А то так и до смерти не управишься.

– Короче в их разговоре я расслышал имя, которого лучше и не слышать вовек.

– Это что ж за имя такое? Свое что ли?

Сержант снова расхохотался, на этот раз пуще прежнего.

– А вот и не свое, – раздраженно ответил рядовой и выпалил на одном дыхании: – Палач Мерцающего Пика.

– Это что еще за зверь?

Подобно молве о штурме Лагоракского замка, среди вояк священного похода ходил еще один слух. Слух о Палаче из Мерцающего Пика. И, судя по всему, сержант об этом ничего не слышал, что было довольно странно, ведь история пользовалась огромной популярностью. Что может быть лучше старой доброй страшилки? Только напугать ею зеленого новобранца, конечно же.

– Вы не знаете Палача? – рядовой был изрядно удивлен вопросом сержанта.

– Не-а. Как по мне – дурацкое имечко. А кто это?

– Вы что? Опасно ее не знать. Все, кому на пути попадалась эта роковая красотка умирали долгой и мучительной смертью. Поговаривают, что она – сама смерть, гуляющая по белу свету и собирающая свой кровавый урожай.

– Что за ерунда? – сержант недовольно фыркнул. – Откуда вообще узнали, что этот Палач – девица, и уж тем более красавица? Она ж всех убивает. Да и при чем здесь Мерцающий Пик? Кто видел тот Пик? Одни сказки пустословные... Говно, а не история.

– Вот вы зря так. Люди за просто так молву пускать не станут. Может, конечно, приврут кое где. Может, вовсе она и не красавица, но уж что девица, так это точнее некуда. А то, что она совсем всех убивает, так это я так, для красного словца вставил.

– Лучше б палец себе в зад вставил. И то больше проку было бы. Никакого Мерцающего Пика нет, и девиц-красавиц оттуда тоже. Наслушаешься чего ни попадя, только голову свою пустую забиваешь.

– Ну, раз так, – почему-то неверие сержанта задело рядового за живое, – тогда, что, по-вашему, стало с южным лагерем?

– Да что там могло стать? Понапивались от скуки, и хропака дали, а часового оставить забыли. Вот их местные и приняли. Зуб даю, хоть с пяток мужиков, но партизанить подались.

– Как знаете, сержант, как знаете. Но я бы на вашем месте по ночам на дежурствах не партизан высматривал.

– Ты не на моем месте, сопляк. Так что заткнись и двигай ногами, – сержант снова ударил латной рукавицей по шлему рядовому.

Грит крался немного позади отряда, скрываясь за деревьями, стараясь не попасться на глаза воякам и прислушиваясь к звукам леса. Он ступал так тихо, как только позволяли его ловкие ноги и сапоги из тонкой кожи. Задача была опасной и ответственной, ведь если Палач действительно выжила, и если она действительно скрывается в этих лесах, то ему предстояло совершить почти невозможное – наблюдать за ней в действии, выжить, и, что самое сложное, вернуться в деревню, чтобы доложить об этом.

Бак пришел в себя от того, что травинка с очередным вдохом попала ему в нос, и тут же закашлялся. Сквозь кашель он слышал звуки возни, где-то совсем близко. Кто-то громко кричал и сопел. Это был рыцарь. Он изо всех сил пытался выползти из-под оседлавшей его словно какую-то лошадь Аделаиды. Девушка же без особого труда пресекала все попытки на корню, при этом издевательски хихикая и вертя перед лицом рыцаря его же кортиком.

– Да отвали ты от меня! – ему наконец удалось выдернуть руку из-под ноги Ады, но свобода была недолгой. Девушка одним резким движением прижала ее обратно.

– А ты не будь, святоша. Нормальные люди за ножи не хватаются.

– Я же сказал, что никакой я не святоша, – выдохнул рыцарь и, осознав тщетность всей затеи, обмяк.

– Ага, рассказывай мне тут. Вон, латы орденские, с отличительными знаками... эм... третьей сотни, если не ошибаюсь. Нахрена стирал?

– Они мне противны, – он отвернулся, но Ада успела заметить на его лице мелькнувшую тень стыда.

– О как! Что ж такое? Денег мало заплатили?

– Да как ты... за кого ты меня принимаешь? – возмутился рыцарь. – Я не какой-нибудь паршивый наемник. Мое имя – Теллан Анрийский, и за этим именем стоит славный аристократический род, а аристократы всегда ставят идею прежде денег.

– По-моему, ты обычный калека в латах.

Теллан презрительно фыркнул.

– Перестань издеваться надо мной, женщина. Не лучшее время для того, чтобы пинать беззащитного пса.

– Беззащитного... тоже мне, – Ада перевела свое внимание на очнувшегося Бака. – Ты слышал, пацан? Беззащитного пса. Слышь, паскуда, – это обращение опять было адресовано рыцарю, – по велению твоего сраного Создателя столько голов полетело, столько крови пролилось, что ты просто не имеешь никакого права просить пощады.

– Ты меня не слышишь, – выдохнул Теллан. – Я отрекся от церкви. Вот почему я стирал отличительные знаки. И уж кому как не мне знать о сложенных головах.

– Отрекся от церкви? – откашлявшись и переведя дух, вступил в разговор Бак. – Это как?

– А так, – ответила за рыцаря Ада, – что этот аристократишка решил сдриснуть потихому, сказать, мол я не я и хата не моя. Что, Теллан, совесть заела?

– Да, заела. Не проходит и минуты без ее зубов в моем сердце.

– Поэтичненько, но не отменяет твоей паскудной натуры. И как много времени тебе понадобилось, чтобы понять свою тупость?

– Слишком много, – перед глазами рыцаря пронеслись лица тех, кого ему пришлось убить во имя «правого» дела. – Слишком...

– Так вы что, просто передумали верить в великого и единого Создателя? – с искренним интересом поинтересовался Бак. У него в голове не могло уложиться, что так вообще можно.

– И вовсе не просто, юноша. Это долгий, болезненный путь, который я только начал.

– Помнится мне, совсем недавно кое-кто скулил, чтобы ему дали умереть, – в голосе Ады читалась издевка. – Совсем не похоже на долгий и тернистый путь к исправлению.

– Да, я был готов покинуть этот мир, но только лишь для того, чтобы проверить на себе существование небесных чертогов. И если, вдруг, они в действительности есть, то я бы предстал перед самим Создателем и спросил с него за все смерти, причиной которых он стал. Но, пока меня мучила лихорадка, я осознал, что Создатель никогда не станет слушать доводы грешника. Я поклялся самому себе, что, если выживу, – сделаю все возможное, чтобы, сперва, искупить свои грехи и обрести вес в Его глазах.

– Начало про отречение от веры было многообещающим, но теперь, – Ада недовольно поморщилась, – с этими «доводами грешника», мне кажется, что каша в твоём котелке просто в другую сторону перемешалась. Короче, раз уж решил грехи искупать, начинай сотрудничать, а не то вторую руку отниму.

– Сотрудничать?

– Ты же теперь против похода? Было бы неплохо, если бы ты нам рассказал о том, что вы забыли в долине, сколько вас и...

– Вы напали на деревню? – перебил ее Бак.

– Да.

И Теллан во всех мельчайших подробностях, которые способен был вспомнить, описал им все. Рыцарь рассказал о нападении своего отряда на деревню долины Двух Хребтов, о том, как местные жители, не желая смерти близких просто сдались на милость святым воинам. О том, как в ответ на неподчинение Отцовским наказам уверовать в Создателя и его учение, всю деревню было велено разграбить. Особо ретивых и подозреваемых в связях с магией обезглавили, остальных же заперли в сарае возле купеческого дома и сожгли за неповиновение церкви. Еще Теллан рассказал о своих подозрениях, что Отец повел людей в долину вовсе не ради скупой наживы и зверств, а чтобы найти кого-то.

– Я даже знаю, кого... – Аделаида сказала это вполголоса, и ее никто не услышал.

– Всех? – Бак замер, пытаясь осознать ужасающие масштабы произошедшего. – Они убили всех...

– Не время терять присутствие духа, пацан. Сперва нужно понять, как пережить это дерьмо, а оплакивать погибших будешь позже, – она перевела свое внимание на Теллана. – Так

ты говоришь, что вас для этой операции отбирал сам Отец. Почему так? Какие были критерии отбора?

– Не уверен, что могу ответить, но мне кажется, не брали тех, кто раньше жил поблизости.

– А вот это очень интересно. Не боевой опыт и способности? Ты уверен?

– Уверен ли? – Теллан хмыкнул. – Не хотелось бы кичиться, но я в одиночку умудрился четверых убить в южном лагере. Какой тут может быть боевой опыт?

– Они... всех... – Бак сел на траву, спиной к костру, подтянул колени к груди и, обняв их руками, стал покачиваться. – Они сожгли всех...

– Перебей меня, если я где-то ошибусь. Вас в долине не больше сотни и добрая половина – разведчики.

– Скорее треть, – поправил Теллан.

– Они... всех...

– Ага. Треть. Теперь к лагерям. Их всего четыре: основной с провиантом – в деревне, и по одному на каждую сторону света кроме севера, там укрепления установлены на перевале.

– Все верно.

– Все сгорели... – Бак не знал, что с ним происходит. Его голову будто окутало туманом, а думать он мог только о том, как горит купеческий сарай. Он столько раз видел этот сарай раньше. Бесчисленное множество раз. Они иногда вместе с Ниром сидели за его углом по вечерам, прячась от взрослых, и болтали о том о сем. Обычные детские разговоры, не больше. Но теперь все эти наивные, светлые воспоминания окрасились в цвета пламени. Крепкие доски сарая в сознании Бака полыхали ярко, с гудением присущим огню в кузнице Ульфа, но в этом гудении было кое-что еще, новый оттенок, посторонний звук – крики сотни деревенских жителей, сгорающий заживо.

Парень не мог себе представить ту боль, которую испытывали его родные и близкие в последние минуты своей жизни. Воображение рисовало ему, как их кожа постепенно обугливалась, покрываясь твердой коркой, наподобие той, которая сковала его пальцы в клешню. Их лица искажали гримасы отчаяния и ужаса, а из ртов вырывались вопли, раздирая глотки до крови. Но боль... такую боль невозможно вообразить, не испытав ее хотя бы однажды.

Еще он не мог представить, как у человека вообще поднялась рука запереть их там и бросить факел внутрь. Он всеми силами хотел оправдать этот ужасный поступок, но не мог. Просто не мог придумать достаточного повода. Его юной и наивной душе было мерзко осознавать, что есть на свете настолько испорченные люди. Да, испорченные. Именно это слово он выбрал, для их описания. Не злые, не жестокие – испорченные. И во что бы то ни стало, он хотел их «исправить».

– ...а здесь стоит телега? – Аделаида показывала кортиком в плохо начерченную на земле схему деревни.

– Нет, – ответил рыцарь, стирая ладонью добрую половину рисунка и начиная выводить пальцем новый, – вот тут. А здесь...

– Аделаида, – Бак перестал качаться и замер, словно всматриваясь в чашу леса. Если бы не повязка на глазах парня, Теллан был бы уверен, что все именно так.

– Не отвлекай, – она, не отрываясь от разглядывания рисунка, отмахнулась.

– Аделаида, – повторил он более настойчиво.

– Да чего тебе?

– Помнишь свой долг?

– Конечно, пацан. А это может подождать?

– Я знаю, как ты можешь его вернуть, – голос Бака стал холодным и безжизненным. – Убей их. Убей их всех, для меня.

Южный лагерь разведчиков был простым, без изысков. Две двухместных палатки из парусины да кострище – это все, что было нужно рейнджерам для жизни. Правда сами рейнджеры были уже давно мертвы. Их тела лежали в разных частях лагеря, и по всему было понятно, что здесь произошло небольшое сражение.

Первым делом сержант нового, укрепленного отряда приказал похоронить покойных в братской могиле. С мертвых разведчиков сняли все обмундирование, ведь в небесных чертогах оно им не пригодится, после, трупы стащили в небольшой яростный ямочек неподалеку и закопали.

Затем, по указу все того же сержанта и под его чутким руководством, началось возведение защитных баррикад. Устройство обороны было простым, но, в то же время, действенным. В лесу рубились ветки достаточной толщины, чтобы человек не смог голыми руками их переломить. Длинной же они были в половину роста или выше. Эти ветки надлежало связать вместе посередине в некое подобие ежей, и расставить их по периметру лагеря. Подразумевалось, что такие стены из колючих связок задержат потенциального противника, уменьшая шансы на внезапную атаку, и дадут поднять лагерь по тревоге.

Обустройство шло бурно, быстро, и продлилось до поздней ночи. После линии обороны, в лагере наспех установили еще две палатки, одну для солдат, а во второй – предполагалось хранить провиант с инструментами и оружием. А место для костра расширили и обложили камнями. Такое действие уже можно было считать повышением статуса лагеря от временного до опорного.

Осмотрев проделанную работу, сержант остался доволен и отдал приказ на отдых, тем более, что рейнджеры не собирались сегодня устраивать никаких поисковых операций.

В ночную вахту сержант решил пойти сам, и себе в пару взял никогда не замолкающего рядового. Его болтовня поможет скоротать ночь и не даст уснуть. Тем более, что после упоминания по дороге сюда некоего Палача Мерцающего Пика, поговорить было, о чем.

– Ну что, – сержант бросил в костер очередное полено, и огонь в ответ брызнул искрами на окружающие его камни, – настроение боевое?

В ответ рядовой неопределенно пожал плечами.

– И что это должно значить?

– Не знаю, – он не сводил мрачного взгляда с чащи леса. Небо в эту ночь затянуло тучами и, казалось, будто тьма, оплетенная ветвями деревьев, плотно обступила лагерь со всех сторон, сдерживаемая лишь светом костра.

– Как так, не знаю? Простой вопрос с простым ответом. Или боевое, или нет.

– Ты чего-то хотел, сержант?

– Эм... – он на секунду опешил. Ему никак не удавалось привыкнуть к тому, что этот сопляк постоянно попирает субординацию. – Просто поддержать разговор хотел. Нам всю ночь дежурить так что...

– Тогда нет, настроение не боевое.

– Отчего ж так? Все про свою сказочную девку фантазируешь? – сержант аккуратно выводил разговор в нужное ему русло.

– Это вы о Палаче? – рядовой сам того не заметив поежился. – Может и так. Предчувствие у меня нехорошее, вот чего. Прямо нутром чувую, как на меня кто-то из темноты смотрит. Наблюдает, оценивает.

– Вот опять ты за свое, – сержант уже привычно двинул его кулаком в шлем, но на этот раз почти без усилия. – Думается мне, что это все суеверия, да и только. Знаешь, как в деревнях народ чего объяснить не может, али боится, то на всякую потусторонщину списывает? Ну, чтоб не заморачиваться. Так и у солдат все то же. Сплетни распускают, чтоб таких, как ты пугать. Вот взять те же трупы разведчиков. Ты раны их видел? Одного закололи, другого зарезали. Все как всегда и ничего необычного.

– А вы думаете она взглядом людей убивает? – не выдержал рядовой. – И в деревнях люд тоже неспроста во всякое верит. Вон, в магов-то раньше тоже никто верить не хотел, а теперь походом целым идем, режем гниду.

– Тоже верно, – кивнул сержант. – Ну тогда может расскажешь поподробнее про всю эту историю с мигающими шпильями?

– Мерцающий Пик, – поправил его рядовой. – А чего это вы так вдруг заинтересовались? Днем еще отмахивались, а сейчас...

– Да ничего, – он не хотел пока выдавать свои умозаключения, чтобы не показаться в глазах подчиненного дураком, – просто ночь будет длинная.

– Это уж точно, – рядовой мельком взглянул на сержанта, а потом снова уставился в темноту леса. – Я про Пик мало знаю, да, как и все, наверное. Говорят, странное это место. Будто нету там ни дня, ни ночи, а воздух затхлый, как в темнице.

– А отчего ж он тогда мерцающий?

– Ты перебивать будешь, или слушать?

От такого ответа лицо сержанта снова начало багроветь, но он быстро взял себя в руки и жестом показал, что будет молчать.

– Мерцающий он, – продолжил рядовой, – от того, что сделан из чистого хрусталя и солнце играет на его гранях.

– Откуда ж там солнце, ежели ни дня, ни ночи нет? – не выдержав, ляпнул сержант, за что был тут же награжден недовольным взглядом.

– А мне почем знать? Я там не был, и говорю, что сам слышал.

– Выходит, что-то ты слышал не то. Ну а про бабу-то, про бабу расскажи. Что она за зверь такой?

– Не баба она, а девушка, и поговаривают, что красоты неписанной. Живет в том пике вместе с древним магом, и вместе они всякими мутными делами занимаются.

– Замужем она за ним чтоль?

– Это вряд ли. Кто ж их там поженит? Они же не прицерковленные.

– Ты понял, о чем я.

– Вот чего не знаю, того не знаю.

– Ну а сам как думаешь?

Рядовой пожал плечами.

– Думаю, что не без этого. Ясное дело, одиноко ей на том пике и выбирать не приходится. А может маг ее околдовал. И вообще, отчего такой интерес? Свататься собрались?

– Не, – отмахнулся сержант. – Так, из любопытства просто. Ну и чего там с той девкой?

Он достал из небольшого мешочка на поясе красивую трубку с тонкой резьбой и начал набивать ее табаком.

– А ничего. Выходит она из того пика в белый свет время от времени, и смерть с собой берет. Куда ни явится – везде люди мрут, да не простые, а прицерковленные али волшебные. Никто не знает, чего у нее на уме, и кого она в следующий раз своей жертвой выберет, но ежели попался, то живым не уйдешь, это точно.

Рядовой замолчал, а сержант не спешил продолжать разговор. Он смотрел, как в костре горят поленья, раскуривал трубку и обдумывал услышанное.

– Слушай, а ты уверен, что она только прицерковленных и волшебных бьет?

– Нет, конечно. Вы же сами сказали, что все это слухи да байки. Не думаю, что кому-то вообще хотелось проверять. Да и я бы не хотел больше о Палаче говорить. И без того боязно.

– А придется, – лицо сержанта помрачнело, а изо рта вырвалось облако густого сизого дыма. – Я рейнджерам не говорил, чтобы они не нервничали понапрасну, и сам сперва подумал, что мне просто причудилось. Но, видать не причудилось и дела наши могут в канаву с говном покатиться. Мы как сюда шли, я сказал, что лагерь партизаны накрыли. Так вот увидел

я разведчиков порубленных и расслабился сразу. Мол, прав я оказался, что просто местные балуют. Щас их логово быстренько накроем, и в деревню можно будет вертаться. А вот дудки! Как мы покойников раздели, так я сразу и приметил, что слишком уж правильные раны у них. Простой мужик с колуном али вилами таких не сделает, тут опыт и умение нужно. Значится, противник в военном деле не дурак и что-то понимает. Тогда я сам себя спросил: откуда в этой дыре взяться опытным воякам? Ответа смог дать только два. Либо тот рыцарь с мешком умудрился четверых зарубить и смыться, либо в твоей байке про бабу-смерть есть здоровое зерно.

Грит лежал на животе, слегка присыпав себя листьями и сухой травой для маскировки. Под промежность он подложил свернутый в небольшой рулон плащ, чтобы защитить самое ценное от холодной земли. Ранняя весна все еще приносила прохладные ночи, и яйца отморозить совсем не хотелось.

Издаലെка южный лагерь казался лишь светящейся точкой костра, а вернее тысячами точек, потому, как сито оборонительных ежей из веток загоразивало обзор. Но ближе Грит подходить не хотел. Его задачей была слежка, и осуществлять ее с расстояния гораздо проще и безопаснее.

Паренек скрестил руки перед собой, положил подбородок на локти и ждал. Все его чувства были напряжены до предела. Он вслушивался в ночь, ожидая, что треск ветки или шелест крыльев встревоженной птицы выдаст подкрадывающегося Палача. Он всматривался в темноту, надеясь вовремя разглядеть мелькнувший меж деревьями силуэт. Он приняховался, веря, что сможет учуять запах пота, которым должно было нести от девки, просидевшей по меньшей мере неделю в лесу. Но все равно не успел среагировать на произошедшее.

Последним звуком, который услышал Грит, был треск собственного черепа. Лезвие рыцарского кортика проломило кость в затылке и вошло в мозг. Последним, что увидели его глаза было черное от грязи, улыбающееся лицо Аделаиды. Последнее, что почуял его нос – запах собственной крови и дерьма.

Ада окинула любопытствующим взглядом парня в куче листьев. «И накой хрен он так закопался? – подумала девушка. – Надо было спросить, перед тем как убивать. Ладно, хоть штаны подходящего размера. А то как-то голяка неудобно.»

К слову, не только лицо Ады было измазано в грязи, но и все тело тоже, ведь на дело, за неимением своих вещей, ей пришлось идти голой (мало того, что сарафан был не в ее вкусе, так еще и движения сковывал похлеще рыцарских доспехов). Вот только белую кожу в ночном лесу заметить довольно легко, зато черную грязь – нет.

Девушка стараясь не шуметь вытащила тело Грита из-под листьев, перевернула на спину и стала стягивать с него штаны. Но когда они уже сползли до колен, она бросила эту затею и с разочарованием заметила про себя: «Обгадился, зараза.»

– У меня тоже кое-какие мыслишки недобрые про нашу вахту имеются, сержант, – рядовой перешел на шепот. – Не в обиду будет сказано, но мы с вами не совсем те люди, которым начальство могло доверить охрану важного объекта.

– Это от чего же? – переспросил он, пододвигаясь ближе.

– Ну вот сами подумайте. Пока все остальные деревню обносили, да обживались, нас в патрулях держали. Кому такое поручают обыкновенно? Правильно, непутевым.

– Ну дык мы же здесь сейчас. Значится, начальство углядело потенциал и дало нам шанс как-то выслужиться, – в голосе сержанта читалась неуверенность, ведь он сам не верил, в то, что говорил.

– У меня другая мысль на этот счет. И она не радует. Мы здесь не потому, что нас хотели повесить, а для того, чтобы избавиться. Нас не жалко, сержант. Мы – просто приманка для того, за кем начальство людей в долину привело. На нас, как на живца хотят Палача ловить. Вот, что мне думается.

– Невесело звучит, – он выпустил очередное облако дыма, оно пролетело над костром и стало медленно оседать на землю.

– Будет еще невеселее, если я прав окажусь.

– Ну допустим, не приведи Создатель, ты прав, – сержант взволнованно заерзал, – тогда что нам со всем этим делать? Из твоих баек выходит, что в открытую супротив девки этой выходить – последнее занятие. А бежать – дезертирство. За такое я себя сам на месте казню, да и тебя в придачу.

– Вот я бы так не горячился. Иногда довольно легко принять за дезертирство то, что в действительности ничто иное как тактическое отступление. Понимаете? – в глазах рядового промелькнула лукавая искорка.

– Как по мне – игра словами. Бегство от боя есть бегство от боя. А там ты его хоть жопой назови, сути не меняет.

– Но ежели в чистом поле супротив цельной армии оказался, то что ж теперь, воевать? – продолжал давить рядовой.

– Ну, значится, сам дурак, и кушай, что сготовил, – сержант посмотрел на него с толикой недовольства, но было видно, что внутри вояки все же началась борьба между преданностью делу, субординацией, которую он так любил, и здравым смыслом.

Рядовой уже было хотел добить его пришедшим в голову колким аргументом, но не успел. Его прервал истошный крик, донесшийся откуда-то из темноты леса, за защитным кругом света костра.

– Что за срань? – сержант мигом вскочил на ноги и выхватил меч. Он встал гордо, выпрямив спину, закусив покрепче зубами трубку, и ждал, что вот-вот из чащобы на него выскочит... выскочит... что-то страшное выскочит. Но ничего не происходило. На удивление, даже рейнджеры не проснулись. По всей видимости, их сильно вымотала подготовка обороны и импровизированные похороны.

Постояв еще с минуту, сержант пришел к выводу, что скорее всего это была какая-то странная местная птица, но все же решил проверить. Лучше знать и быть спокойным, чем не знать и ерзать.

– Вставай, – не сводя взгляда с направления откуда пришел крик, он похлопал плоскостью меча вжавшемся от страха в землю рядовому по колену. – Пойдем проверим, что там.

– Может лучше не надо? – пролепетал тот.

– Тебя как звать-то? – вдруг спросил сержант.

– Дунс, – еле слышно выдавил из себя перепуганный рядовой.

– Меня – Орнст. А теперь, Дунс, быстро свою жопу от земли оторвал и встал, когда с тобой старший по званию разговаривает.

К удивлению рядового, командный голос сделал свое дело, и чувство страха немного притупилось, уступая место покорности. Видимо, у старины Орнста все же был генеральский потенциал.

Переборов себя, Дунс встал на ноги и, следуя примеру командира, достал меч.

– Вот и молодец, – сержант перекинул губами мундштук трубки из одного уголка рта в другой. – Слушай мою команду, Дунс. За мной на верную смерть шагом АРШ.

Глаза рядового от удивления раскрылись еще шире.

– Да ладно тебе, – Орнст хмыкнул и выпустил дым. – Я просто пошутил. Но сходить проверить все равно надо, так что не отставай.

Рядовой, не оценив шутки, недовольно цокнул языком. В отличие от сержанта, он искренне верил в существование Палача Мерцающего Пика, и никакой юмор не в силах был затмить пугающую мысль, звеневшую в его голове: «Она здесь!»

Взяв из костра в свободную руку горящую ветку, Орнст пошел первым. Дунс засеменял следом. Вояки продвигались медленно, осторожно, то и дело оглядываясь по сторонам и замирая, якобы услышав что-то подозрительное.

– Нам лучше далеко от лагеря не отходить, – рядовой говорил так тихо, что сержанту едва удавалось различить слова. – Вдруг на него нападут пока нас нет?

– Не ной, салага. Вон, костер еще видно.

Дунс обернулся, чтобы проверить, правду ли сказал сержант, и, засмотревшись на мерцавшие точки лагеря позади, стукнулся в спину резко остановившегося Орнста.

– Ой, вычего-о... – договорить рядовой не смог. От увиденного ужаса слова застряли у него в горле.

Факел, который Орнст держал на вытянутой руке, своим тусклым, колеблющимся светом освещал изуродованное тело Грита. Парень свисал вдоль дерева вверх ногами, прибитый к стволу сквозь лодыжки рыцарским кортиком. От его головы до земли было не меньше человеческого роста. Брюхо покойника было вскрыто, а внутренности разбросаны вокруг, словно с ними кто-то играл. На лбу же был аккуратно вырезан символ церкви Создателя – прямоугольник с маленьким крестиком внутри.

– Мать моя шлюха, да что ж это такое-то? – трубка выпала изо рта сержанта и с неприятным чваканьем приземлилась в кишки специалиста по личной безопасности.

– Создатель, пощади наши души, – рядовой начал медленно отступать назад. – Она здесь. Палач здесь. Мы все умрем!

Голос Дунса начал дрожать, будто тот вот-вот заплачет.

– Нужно поднимать лагерь, сроч...

Орнст резко замолчал, услышав где-то совсем близко женский смешок. Хихиканье, словно эхо в глубокой пещере, переливисто прокатилось по лесу, не оставляя возможности определить его источник.

Сержант начал суматошно размахивать факелом из стороны в сторону, пытаясь разглядеть хоть что-то в окружающей темноте, но кроме бесчисленных деревьев и разделанного трупа ничего не видел.

Тем временем Дунс, птясь, отходил все дальше и дальше от своего сержанта, выходя из спасительного круга света. Сейчас он больше всего хотел тактически отступить, оставить Орнста позади и, сломя голову, бежать к палаткам, мимо них, напрямик к перевалу. Бежать, не останавливаясь и не оборачиваясь, ведь за ним пришла сама смерть, и в гонке с ней лучше выжать из себя все возможное.

Ада передвигалась рывками, от дерева к дереву, прячась от испуганных взглядов вояк. Эти недотепы не представляют никакой опасности и с ними можно немного поразвлечься. Главное – не дать им прийти в себя и вернуться в лагерь, поднять тревогу. Рейнджеры тоже были не ахти какой угрозой, но сейчас ей не очень хотелось устраивать возню. Лучше уж сделать все красиво и со вкусом, чем скатываться в тупую бойню. Такую тактику она предпочитала не только в драке.

Дунс бездумно отступал назад, не сводя взгляда с подвешенного парня, пока сильно не стукнулся затылком об одно из деревьев. Тут-то все и случилось. Пока в глазах рядового рассыпались искры что-то промелькнуло прямо перед его носом. Дунс почувствовал легкий толчок и резкую боль в правой ладони, а когда поднес ее к лицу понял, что правой ладони у него больше нет, как и меча, который он в ней держал. Рядовой при виде собственной крови и осознания того ужасного факта, что гонка со смертью закончилась, даже не начавшись, жалобно посмотрел на размахивавшего факелом сержанта.

Сержант в свою очередь видел только силуэт Дунса. Силуэт и кое-что еще. Нечто темное, с блестящими в тусклом свете факела глазами, двигалось по крутой дуге к рядовому. Приблизившись на расстояние вытянутой руки, оно сделало резкий выпад. Что-то металлическое

сверкнуло в темноте. Нечто продолжило свое движение в сторону леса практически не замедлившись. Еще с пару секунд Дунс просто стоял, будто ничего не произошло, как вдруг его голова отделилась от тела и беззвучно упала в траву. Затем тело рядового обмякло и свалилось рядом.

В этот самый миг Орнст готов был поверить не только в существование Палача Мерцающего Пика, но и в любую другую сказку, которая бы хоть как-то объяснила происходящее, а конфликт между субординацией и «тактическим отступлением» сам собой решился в пользу последнего.

Инстинктивно бросив факел в ту сторону, куда убежало темное нечто, Орнст, сломя голову ринулся к лагерю.

Ада не хотела, чтобы убегающая жертва своими воплями перебудила остальных обреченных. В принципе ей было плевать, и она могла бы справиться со всеми оставшимися в открытом бою, но опять же, это бы убило все веселье. «Элегантность и утонченность подхода – вот, что отделяет тебя от животного» – она всегда старалась напоминать себе об этом.

Взяв за лезвие меч, которым она обезглавила первого солдата, Аделаида со всей силы метнула его во второго. Оружие, вращаясь и гудя, пролетело около десяти локтей и звонко ударилось рукояткой в металлическую пластину на спине сержанта. Удар застал Орнста врасплох и даже чуть не сбил с ног, но солдат вовремя спохватился неловко взмахнул руками и продолжил бежать.

– Жаль, – Ада разочарованно покачала головой. – Было бы красиво...

Орнст несся сломя голову и не разбирая дороги. По глупости выкинув факел, он теперь видел перед собой лишь хлеставшие по лицу ветки да маячивший впереди лагерный костер, просвечивавший мириадами красно-желтых точек сквозь оборонительные ежи из веток. Ежи из веток! Как же он мог про них забыть?

Орнст на полной скорости влетел в одну из связок. По лагерю прокатился громкий треск древесины вперемешку с солдатской бранью. Сержант неуклюже перекатился через ежа, грохнулся на спину и, казалось, окончательно запутался. Но, проявив удивительную для увальня, которым он представлялся со стороны, ловкость, быстро выбрался из-под завала, вскочил на ноги и продолжил бежать.

Орнст не собирался ждать, пока рейнджеры повыползают из своих палаток. Он не собирался оставаться и объяснять им, что произошло, почему Дунс лишился головы и, что самое важное – откуда в лесу возле лагеря взялся распотрошенный труп лакея. Во-первых, он и сам ни черта не понимал, а во-вторых и разбираться не хотел. Если уж на то пошло, сейчас основной версией Орнст считал ту, в которой баба-смерть из хрустального пика пришла и всех уколошила. Именно так он скажет, когда доберется до деревни. Если доберется.

Аделаида, пригнувшись, подобралась поближе, подобрала брошенный ранее меч и стала ждать. Она затаилась, спокойно наблюдая за тем, как обезумевший от страха вояка грохнулся через оборонительную охапку веток, чем переполошил спавших в палатках рейнджеров. Ей было интересно посмотреть на то, как отреагируют сонные разведчики на происходящее. Они, как и предполагалось, потирая глаза, один за другим выползали наружу о чем-то спрашивая друг друга и недовольно ворча. Вояка же, в свою очередь, решил не задерживаться в лагере. Он со спокойной совестью оставил своих боевых товарищей на растерзание и улепетывал на север, в сторону деревни.

Ада часто видела подобные проявления солдатской «смекалки». Простой, не сломленный смертью человек обычно всегда так себя ведет. В момент наибольшей опасности он бросает все и вся, предает друзей, родных, близких, лишь бы уберечь собственную шкуру. И это абсолютно нормально. Гораздо опаснее те, кто выставляют грудь колесом и идут на встречу беде. Такие психи по мнению Аделаиды – абсолютно непредсказуемы. От них можно ожидать чего угодно, и это хуже всего.

Пока сержант, гремя доспехами растворялся среди деревьев, все рейнджеры собрались у костра. Они растерянно переговаривались, недоумевающе пожимая плечами и кивая. Вдруг, откуда-то сверху что-то с треском упало в огонь. Искры брызнули ярким фонтаном, а горящие поленья, шипя, разлетелись во все стороны. Рейнджеры словно стайка встревоженных птиц бросились врассыпную, высоко поднимая ноги и прикрывая руками лица.

Эффект неожиданности, вызванный огненным светопреставлением, быстро сошел на нет, но тут же сменился новым, когда оказалось, что вся эта феерия была вызвана человеческой головой. Именно так. С точки зрения едва проснувшихся рейнджеров, все произошедшее было по меньшей мере странно, ведь не каждый день сержант священного воинства ломает собственным брюхом оборону лагеря, а с неба в костер падает голова.

Воспользовавшись неразберихой, которую она же сама и создала, Ада незамеченной проскользнула мимо ошалевших мужиков в одну из палаток, а конкретнее – в ту, в которой к ее радости находился провиант. Естественно, скоро рейнджеры должны были опомниться и схватиться за мечи (если еще не схватились), а там и до открытой драки недалеко, но раз уж предлагалась такая возможность, то лучше начать бой в штанах.

Аде всегда думалось, что воевать нужно так, чтобы потом кому рассказать не стыдно было. Отсюда и рвение к тонкости, изяществу, изворотливости и хитрости. Про свои подвиги, кроме старика, она никогда никому не рассказывала, но нужно быть готовой, если что. А драка в одиночку против пятерых приобретает слегка неловкий оттенок, если одиночка при этом с голым задом.

К ее большому разочарованию, в палатке с провиантом никакой одежды не оказалось. А в лагере к тому моменту царил полный кавардак. Опомнившиеся от вида человеческой головы в углях, рейнджеры, наконец, вспомнили, чему их учили и взялись за оружие. Заправив мечи в ножны, они все как один встали по периметру съезжившегося круга света от разворошенного костра, и нацелили свои луки в темноту обступившей лагерь чащи. Они стояли, не шевелясь, в ожидании неизвестного противника, который должен был вот-вот напасть, но шутка заключалась в том, что враг был в самом центре обороны. В буквальном смысле.

Аделаида с кислой миной выбралась из палатки с провиантом и спокойно прошагала к остаткам костра. С досадой взглянув на голову рядового, она поняла, что по собственной глупости забыла очевидное. Этот несчастный ведь тоже носил штаны...

– Всё! – в густой от нервного напряжения тишине голос Ады прозвучал словно гром среди ясного неба. Все пять рейнджеров, не опуская луков, синхронно развернулись от леса к костру. – У меня совсем настроение испортилось, так что давайте уже заканчивать.

Струна лопнула. Бой начался. Девушка сорвалась с места так резко, что на земле, там, где она стояла, остались отчетливые следы босых ног. Стрелы засвистели в воздухе в поисках цели и некоторые ее нашли, только ею была совсем не Аделаида. Двое рейнджеров сразу выбыли из игры по случайности пристрелив друг друга. Вот что бывает, если стрелять в мишень, двигающуюся быстрее, чем ты способен думать.

Оставшиеся трое быстро сообразили, что луками делу не поможешь и схватились за мечи, но было слишком поздно. Баба-смерть знала свое дело и разила наверняка. Первый даже не успел до конца вытащить оружие из ножен, как оказался проткнут насквозь. Ада не стала тратить время на выковыривание меча Дунса из мертвеца. Она схватила за руку второго рейнджера, который уже занес ее для удара, вывернула ее и с силой потянула под правильным, а вернее сказать неправильным углом. Кость громко треснула и красно-белым обломком прорвала рукав бедолаги. Пальцы, сжимавшие рукоять меча, разжались, давая девушке возможность использовать оружие врага против него самого.

Аделаида, не отпуская сломанную руку противника, парировала удар оставшегося в строю разведчика, уводя силу, вложенную в него, вниз и в сторону. Не ожидав подобного, атакующий потерял равновесие и, наклонившись вперед упал на колено. В этот самый момент

Ада рубанула сплеча по открывшейся шее, заставив еще одну голову слететь с плеч. Стонавшего же беднягу с переломом она отпустила, но только лишь для того, чтобы добить его как полагается – яростно и красиво. Взяв оружие двумя руками, она, словно заправский дровосек, нанесла удар сбоку по умолявшему о пощаде. Лезвие прошло сквозь рубаху, ребра и плоть «дерева», и уперлось в позвоночник. Последний рейнджер вскрикнул и тут же замолк, свалившись лицом в разбросанный вокруг пепел.

Как и ожидалось, мечты о красивой и элегантной победе в очередной раз закончились обычной бойней. И так всегда. Ну, зато теперь с одеждой и провизией не должно быть проблем. Или...

Аделаида окинула задумчивым взглядом забрызганные кровью палатки. «Нет, – подумала она, – ничего отсюда забирать не стоит. Это место послужит другой цели. Если сбежавший вояка не заблудится в лесу и сможет-таки добраться до деревни одним куском, то история, которую он там расскажет, явно будет окрашена в мрачные тона. Трупы на деревьях, кишки, обезглавливания. Этим непременно стоит воспользоваться. Ни одна армия не воюет хуже, чем деморализованная.»

Твердо уверившись в том, что приключившуюся бойню следует раздуть до невообразимых масштабов, Палач Мерцающего Пика собрался начать свое грязное дело.

Голову в костре Ада решила оставить как есть. Хоть это и была импровизация, но вышло картинно, тут не поспоришь. А вот с телами рейнджеров необходимо было что-то предпринять. Ну никак мужик с мечом в животе или со стрелой в груди не наводил на мысли, что на лагерь напало жуткое чудовище. Зато если их обоих распилить пополам и сложить туловище к туловищу, а ноги к ногам... или в красивый узор вокруг кострища... или...

Неожиданно в Аделаиде проснулся художник. Множество идей вдруг заполнили ее голову. В основном это были необычные способы расчленения человеческого тела, но все они так или иначе были проявлением творческого подхода к решению задачи. Весьма мрачной и неприятной для большинства здоровых людей задачи.

Ада настолько увлеклась обдумыванием и планированием, что даже не заметила, как рейнджер «дерево», с застрявшим в позвоночнике мечом, вдруг зашевелился и, несмотря на несовместимую с жизнью рану, сел.

Рефлексы девушки решили не отвлекать занятое сознание по пустякам и сделали все сами. Ада машинально нагнулась, взялась за рукоятку меча и резким рывком завершила прошлый удар. Верхняя половина рейнджера упала на землю, а нижняя осталась нелепо сидеть на месте.

– Ай, – это был скорее не выкрик от боли, а констатация факта. Монотонное и, скорее, механическое «Ай».

Этот звук вернул девушку к реальности и окончательно привлек ее внимание, потому, как доносился из верхней половины рейнджера, а такого, как известно быть не могло.

– Да что ж ты живучий такой? – Ада поддела ногой нижнюю половину и оттолкнула немного в сторону. Затем, встала над верхней, занесла меч и уверенно воткнула его прямо в переносицу удивительно живучему вояке. Лезвие прошло сквозь череп и на добрую ладонь погрузилось в почву. – Угомонился?

– Нет, – послышалось откуда-то сзади. Это сказал один из тех, что умер со стрелой в груди. Примечательно, что парень все еще лежал неподвижно на земле, а стрела все еще была в нем.

– Да вы что, сговорились? – Аделаида озадаченно развела руками. – Сколько раз вас, ребята, нужно убить?

– Один, – на этот раз ответил другой застреленный, тот, которому стрела угодила в шею. Из-за обилия крови в горле слово получилось булькающим и сипящим.

– Так, кажется, я начинаю понимать, что здесь происходит, – она прислушалась к своим чувствам и убедилась в правильности догадки. От мертвецов, коими в действительности и являлись рейнджеры, еле заметно тянуло магией. Хоть с таким ее проявлением Ада раньше не сталкивалась, да и вряд ли кому-то вообще доводилось увидеть подобное, но за долгие годы жизни она приобрела бесценный навык – сперва думать, а уж после удивляться.

– Почему-то я знал, что с первой попытки ничего не выйдет, – сказали оба застреленных одновременно, создавая необычный стереофонический эффект, – но на такой уверенный результат даже не надеялся.

– Господин маг, – Аделаида подобрала с земли меч обезглавленного и взвесила его в руке, – извольте прекратить свои противоестественные проделки и бросить издеваться над усопшими, а не то я найду вас и...

– И что? – перебил ее тот, из чьей головы торчало лезвие. – Убьешь меня?

Труп неестественно ровно и без эмоций рассмеялся. Ада не знала, что ответить на подобную колкость и лишь сжала покрепче оружие.

– Ты не представляешь, как сложно было тебя найти в этой дыре, – продолжил мертвец. – Кто бы мог подумать, что долина хребтов такая пыльная? Ты случайно не видела тут ничего подозрительно старого? Я бы...

– Стоп, – в голову девушке пришла совершенно безумная догадка, но в делах с НИМ безумство просто становится дополнительной гранью нормы, – старикан, это ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.